

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**

Сергей ЗВЕРЕВ

ДРЕССИРОВАННАЯ СМЕРТЬ

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Дрессированная смерть

«ЭКСМО»

2010

Зверев С. И.

Дрессированная смерть / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2010 — (Спецназ ВДВ)

Майор ВДВ Андрей Лавров по прозвищу Батяня получает задание предотвратить взрыв боеприпасов на складе российских войск, дислоцирующихся на территории Приднестровской республики. Этот теракт может разрушить хрупкий мир в беспокойной Молдове и настроить мировую общественность против России. Зато он крайне выгоден Румынии. Именно ее спецслужбы направляют на подрыв склада опытного спецназовца Мунтяну. Русский десантник и румын равны по боевому мастерству, но у Батяни значительно больше жизненного опыта. Однако Мунтяну в голову приходит дьявольски хитрый план, который должен запутать и вывести майора из игры...

© Зверев С. И., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	36
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Зверев

Дрессированная смерть

Глава 1

По одной из центральных улиц Рязани, которую местные жители самонадеянно называли Малым Арбатом, к автобусной остановке подтягивались вечерние пассажиры. А между тем хмурое небо над городом не предвещало им ничего хорошего. Но многие люди легковверны, верят в то, что сообщает им радио и телевидение. Скажут – день будет солнечный, они и не подумают прихватить с собой зонт. Утренний прогноз погоды, как часто случается, оказался лишь пустой болтовней, которую умудренные опытом горожане давно не воспринимали всерьез. Авторитет местного гидрометеоцентра свелся к нулю после одного ужасного случая.

Конец августа 1984 года... но даже сейчас это событие еще не до конца выветрилось из памяти жителей Рязани. Местное радио передало, что всю неделю будет стоять жара около тридцати градусов, а с первыми днями сентября наступит резкое похолодание. Кому не хочется погреться в последние дни лета, если знаешь наверняка, что скоро зарядят дожди! Да и в июне-июле погода горожан не баловала. Жители Рязани, у кого была возможность выехать на выходные за город, отправились на природу. В субботу температура немножко превышала даже обещанную синоптиками. Но в воскресенье, по закону подлости, светлое солнечное небо резко потемнело. Все произошло очень быстро, за какой-то час ураган прокатился по окрестностям Рязани, унеся с собой жизни двадцати человек, девять пропало без вести. Стихия разрушила свыше сорока частных строений, уничтожила два пригородных санатория. Ясно, в те годы о подобном пресса молчала. Но ущерб от урагана местными властями оценивался примерно в два миллиона рублей. Эти цифры сообщались шепотом на кухнях, в транспорте, катастрофа обрастала подробностями, большей частью вымышленными. Число жертв росло с каждым днем, и самые отчаянные называли две сотни трупов. По местному телевидению показывали лишь фотографии пропавших без вести, не уточняя, при каких обстоятельствах эти люди исчезли. Психоз спал за одну неделю, а потом, как и случается, катастрофа в Рязанской области отошла на второй план...

Раздались далекие раскаты грома. И хоть с того времени, когда над городом пронесся ураган, прошел целый год, люди испуганно задирали головы, спешили убраться с улицы. Начался ливень. Навес над автобусной остановкой не мог вместить всех желающих. Подкатили два автобуса, остановка резко опустела, но не прошло и трех минут, как она опять наполнилась толпой. Через час Малый Арбат опустел, все, кто могли, уже сидели дома в теплом кругу семьи. К двенадцати часам ночи весь Малый Арбат уже вымер. Гасли неоновые вывески, закрывались бары, рестораны покидали последние посетители. Центральная улица теряла свой шик, незаметно превращаясь в одну из обычных улиц, которых в Рязани было больше сотни.

Под проливным дождем шли двое парней в военной форме с погонами курсантов. Шагали уверенно, не обращая внимания на лужи. Так могут идти только люди, твердо знающие, куда направляются. Военная форма во все времена внушала прохожим доверие. И хоть были они еще почти мальчишками, лет по двадцать, но мужская суровость уже читалась на их лицах. Шли молча. Каждый из них не хотел прерывать мысли другого. Пусть пока и по пути, но мысленно каждый из них уже был там, куда стремился. Из желтого «Москвича», стоявшего напротив ресторана, выбрался крепкий парень в вельветовом костюме. Поигрывая ключами от крутой по тем временам «тачки», он пошел наперерез. Приблизившись к парням, не торопясь открыл пачку американских сигарет и, прикурив, выпустил струю дыма, тут же растаявшую в дожде. Хрипло произнес:

– Вам девушки не нужны?

Дверца «Москвича», стоявшего под знаком «Остановка запрещена», распахнулась, и мокрого асфальта коснулся острый носок лакированной туфли «лодочка». Есть на девушке юбка или нет, было не понять. Ее подружка уже стояла, облокотившись на крышу машины, и призывно махала рукой.

– Рекомендую одну на двоих – студенческий вариант, – сутенер и не надеялся, что у курсантов карманы пухнут от денег, – но если возьмете обеих, могу и скидку сделать. Как на гнилом Западе, на распродаже.

Сказав это, сутенер рассмеялся, но тут же затих, ждал реакции парней в военной форме.

– Не надо, хоть и девочки у тебя ничего, – миролюбиво ответил курсант с тонкими чертами лица и смеющимися глазами.

– Почему? Много не возьмут, долго не задержат, обслужат прямо в машине...

– У него любимая девушка, ни о ком другом думать не может. К ней спешит. Правда, Андрей? – глаза курсанта продолжали смеяться, хоть губы и не складывались в улыбку, – а у меня денег нет.

Андрею явно не понравилось, что его личную тайну приятель походя выложил сутенеру.

– Любовь? – здоровяк обернулся, подмигнул девочкам. – Мой тебе совет – любовь за деньги всегда обходится дешевле. Ни цветы дарить не надо, ни жениться, ни детей растить. Хотя каждый выбирает для себя...

– Не в этой жизни, – Андрей смахнул с берета капли воды.

– Жаль. Не везет сегодня моим «ночным бабочкам», может, хоть вам повезет. Угощайтесь. Сам в армии служил, – и сутенер протянул открытую пачку сигарет.

– Для меня слишком круто, – бесстрастно отказался Андрей.

– Брось курсант. Это же «Кэмел», его в американской армии даже рядовые курят.

– Я не в американской армии.

Крепкий парень сел за руль, подождал, пока девочки устроятся, развернулся и, втопив педаль газа, помчался к другой точке.

На перекрестке Малого Арбата и Ленинской парни остановились. Отсюда их пути расходились, они жили в разных концах города. Алексей, наконец, прервал их долгое взаимное молчание.

– Не знаю, как ты, а я волнуюсь, – несмотря на сказанное, голос Алексея звучал уверенно.

– Все будет хорошо, – скупой улыбнулся Андрей, – мы с тобой, Леха, через все прошли, и у нас получалось, завтрашнее испытание тоже пройдем. Мы одна команда, – сказав это, Андрей хлопнул по плечу приятеля и еще раз ободрил: – Побеждает тот, кто верит в победу.

– Ты отлично придумал. Сам ротному предложил, что мы все покрасим на полосе препятствий. И он нам разрешил увольнительную перед самым зачетом. Даже на ночь отпустил, смотри, не проспай.

– Ни за что...

Курсанты на прощание пожали руки. Теплая рука Андрея крепко сжала холодную ладонь приятеля. Алексей чуть дольше, чем следовало, задержал рукопожатие, словно хотел получить с теплом уверенность в завтрашней победе. Сам он хотел верить в нее, но все равно сомневался. Алексей виновато улыбнулся, ведь Андрей перехватил его завистливый взгляд, брошенный на сержантские погоны.

– Окончим училище, все лейтенантами будем.

– Кто-нибудь и до генерала дорастет.

Дождь поутих, вскоре и совсем перестал. Только огромные лужи по всей Малой Арбатской напоминали о недавней непогоде. На небе из-за низких облаков появились крупные золотые звезды. Все в один миг стало тихим и спокойным. Город спал.

* * *

Андрей проснулся от яркого света – через неплотно задвинутые шторы пробивалось утреннее солнце. Всего второй раз ночевал он здесь. Но где висят часы, помнил точно.

«Пора вставать. Но как не хочется!»

В кровати Андрей лежал не один.

«Спит или притворяется?»

Он прислушивался к прерывистому дыханию своей подруги, оно его возбуждало. Андрей боялся пошевелиться, чтобы не потревожить ее сон. Скосил глаза – золотистые волосы раскинулись по всей подушке, и все это в ярком солнечном свете. Коснуться... Поцеловать... Но времени в обрез.

Пересилив себя, он сел на кровати, но тут же рука девушки коснулась его тела, пальцы нежно постучали по его спине. Он повернулся.

– На меня смотрит самая красивая девушка, какую я когда-либо видел.

– Врешь, но все равно приятно... Как хорошо, что мои родители уехали на дачу.

Нежный голос решил дилемму: пробежка или постель. Ее губы коснулись его плеча.

Такого водопада ощущений он не испытывал еще ни с одной девушкой, которые были у него до Ларисы. Было у него их только две, но думал он тогда именно так. Вот уже год прошел, как они встречались.

В 1984 году Андрей только окончил первый курс военного училища, мог бы уехать домой, в деревню, но остался в городе, дождливым летом помогал дяде управляться на даче. А в конце августа отправился с Алексеем на рыбалку за город. Воскресный день выдался очень жарким.

Разместившись на краю железной трубы, которая нависала над заброшенным карьером-озером, парни разматывали удочки. Неподалеку от них, на золотистом песке, загорали три симпатичные девушки. Андрей не очень любил рыбалку, но делал вид, что это занятие ему по душе. Время от времени девушки поглядывали в их сторону, парни отвечали тем же.

– Я за пивком. Подойду к девчонкам и им предложу. Ничто так не сближает, как прохладительный слабоалкогольный напиток...

– Попробуй. Бьюсь об заклад, что блондинка не согласится.

– Смотри и учись, я ее «сниму», – спрыгнув с трубы, пообещал Леха.

На лице Андрея появилась улыбка. Он перевел взгляд с поплавок на бегущего к девушкам Алексея – хотелось узнать, чем же закончится спор. Хотя по-любому, пиво выпили бы вместе. До того места, где загорали девочки, было довольно далеко, и Андрей не мог слышать разговора.

Поднявшись с большого полотенца, которого хватало на троих девушек, две подруги беседовали с Алексеем. А блондинка... осталась лежать, так, словно парня рядом и не было – никаких признаков заинтересованности. А Леха старался. Андрей видел, как тот машет руками, улыбается на все тридцать два зуба. Старания Лехи оказались напрасны, за пивом с ним пошли две подружки, которых и уговаривать-то не надо было. А пышноволосяная блондинка так и не открыла глаз.

Алексей помогал хохочущим девушкам взбираться на крутой откос, обнимал их, подсаживал. За откосом была дорога, ведущая к поселку.

Удовлетворенный победой Андрей нацелился на рыбалку. Но поплавок так и не шелохнулся. Немного посидев, он скрутил удочку и прилег на согретую солнцем трубу.

Потянувшись к рюкзаку, где лежала его кепка, он встретился взглядом с пышногрудой блондинкой.

Легкий испуг мелькнул на лице девушки, словно ее застали за чем-то стыдным, она торопливо легла и опустила на глаза солнцезащитные очки.

После этой встречи взглядами – короткой, мимолетной, ничего не обещающей, Андрей не мог избавиться от чувства, что теперь между ним и блондинкой существует какая-то общая тайна.

«Она не пошла с Алексеем, – повторял и повторял про себя Андрей, – значит...»

Горячий песок жег пятки. Но не станешь же возвращаться за шлепанцами, оставшимися возле трубы! Почему-то никак не хотела складываться в голове первая фраза, с которой он собирался обратиться к пышноволосой блондинке, – все казалось глупым, ненастоящим. Андрей шел все медленнее и не мог понять – открыты глаза под темными очками или нет.

Андрей не был мастером говорить, не то что его приятель, тот и мертвого уболтать мог. Он опустился на песок совсем рядом с девушкой – протяни руку, и коснешься ее плеча, кашлянул. Блондинка не пошевелилась, не вздрогнула, но Андрею показалось, что чуть заметная улыбка все же тронула ее губы.

– Привет, – сказал парень, но ответа не дождался.

Резкий порыв ветра подхватил мелкий песок и хлестко ударил в спину. Андрей вскинул голову.

Он видел, как резко очерченный край тени, пожирая солнце, подбирается к нему и к лежащей на полотенце девушке.

– Эй, – позвал он, – гроза начинается. Глаза открой.

– Со мной этот номер не пройдет. Какая гроза...

Но тут потемнело, и сразу же ударил ливень. Тяжелые капли врезались в сухой песок, поднимая фонтанчики пыли. Солнце скрылось за тучами, словно его и не было. Ветер внезапно утих, и тут Андрей увидел, как на другом берегу поднимается к небу, изгибается, растет столб пыли. Зрелище завораживало, такое он видел до этого только в кино... но это происходило здесь и сейчас. Андрей не мог отвести от него взгляд, а столб, уже окрепший, почти черный, завис над водой, а затем дрогнул и двинулся к берегу.

Девушка с быстротою перепуганной кошки собрала вещи и бросилась бежать к полуразрушенному сарайчику, чтобы укрыться от ливня, но, обернувшись, увидела высокий столб пыли, надвигавшийся на берег, и замерла на месте. пляжная сумка выпала из ее руки.

А смерч уже втягивал в себя не успевший промокнуть песок пляжа, вздрагивали и стучали растрескавшиеся листы шифера на крыше сарайчика.

– Беги назад, ко мне, – заорал Андрей, видя, что еще немного и вихрь обрушится на растерявшуюся девушку.

Но блондинка не услышала, шок парализовал ее. Андрей бросился к ней, повалил на песок, прикрыл своим телом. И почти тут же ощутил, как песок буквально сдирает кожу, словно кто-то прошелся по спине крупной наждачкой. Он сильнее прижал девушку к земле, ладонью прикрыл ей глаза. Послышался хруст ломаемого дерева. Резкая боль пронзила плечо. Но Андрей о себе в тот момент не думал. Он приподнялся на локте, чтобы принять на себя очередной удар стихии, закрыть собой хрупкую девушку. Она сама прижалась к нему. На мгновение приоткрыв глаза, Андрей увидел, что это лишь начало, столб пыли еще не миновал их, а только приближается.

– Мне страшно... страшно... – шептала девушка, ее золотистые волосы развевались на сильном ветру.

– Не паникуй, все будет хорошо, главное – лежи спокойно, – крикнул Андрей, хотя и сам не верил, что обойдется.

Ничего не услышав из-за сильного ветра, девушка не смогла понять, что сказал Андрей, но уже и сама догадалась, что от нее ничего не зависит. Они прижались друг к другу, затаились, словно надеялись, что ураган не заметит их, пройдет стороной. Ветер то выдувал из-под

них песок, будто хотел лишить опоры, подхватить и унести, то, наоборот, засыпал. И тогда невозможно было дышать, песок забивал нос, скрипел на зубах. А потом Андрей уже не мог понять, где верх, где низ. Ему казалось, что смерч поднял их с земли. И он боялся одного – не удержать девушку. Сквозь свист в ушах до него доходил неясный гул, будто ревел двигатель реактивного самолета.

Он не знал, сколько это продолжалось, может, секунды, а может, и несколько минут. Сквозь закрытые веки, наконец, пробился свет, слабый, ненадежный, но Андрей рискнул приоткрыть глаза. Извивающаяся воронка смерча была еще близко, но уже уходила к откосу. И стоило ей коснуться песчаного обрыва, как ураган пропал. Столб замер в воздухе и рассыпался. Песок, обломки досок, шифера, измочаленные ветки деревьев полетели к земле. И почти сразу же засветило солнце, утих ветер, а черная туча уже уходила к далекому лесу. Повернувшись на бок, Андрей протер глаза, осмотрелся.

Девушка лежала неподвижно, ее губы густо облепил мелкий песок. Андрей приложил палец к ее шее и ощутил толчки крови в сонной артерии. Блондинка прерывисто вздохнула, открыла глаза. В них читался испуг, но уже не за себя, а за Андрея. Девушка коснулась его плеча и отдернула руку:

– Смотри, – на пальцах была кровь, смешанная с песком.

Боль напомнила о себе. Из предплечья торчал ржавый гвоздь. Девушка зажмурилась, когда Андрей выдернул его и с ненавистью отбросил в сторону.

Про своих друзей, отправившихся за пивом, они забыли напрочь.

– Тебе не больно? – рука блондинки вновь коснулась раны.

– Пустяк.

– Ты так говоришь, чтобы произвести впечатление. Рисуешься.

– Могло быть и хуже.

– Рану надо чем-то прижечь, перевязать, – принялась суетиться, как все женщины в таких ситуациях, блондинка, – у меня есть с собой духи, – она рылась в сумочке.

Андрей чувствовал, что рядом с ним особенная девушка, не похожая на всех остальных. Но в чем эта особенность, понять не мог.

«Эти минуты в смерче больше, чем ночь в постели», – внезапно подумал он и тут же, словно боясь, что блондинка прочтает эту мысль по его лицу, спросил:

– Тебя как зовут?

– Лариса. А как тебя зовут, я уже знаю.

– Красивое имя. Откуда тебе известно мое?

– Твой друг очень болтливый. И запомни, некрасивых имен не бывает.

Лариса бережно прижигала рану духами, дула на нее. От приятного запаха слегка кружилась голова. Оторвав полоску от своей белой рубашки, перевязала плечо. Кровотечение прекратилось.

– Не жжет? – страх пережитого миновал, и в глазах у Ларисы уже вспыхивали игривые искорки.

– Почему ты не пошла с ними в магазин?

– Я ленивая. Решила немного поспать.

«Но ты же смотрела на меня», – подумал Андрей и улыбнулся.

Лариса улыбнулась в ответ, мол, ты сам понимаешь, есть правила игры, по которым играют мужчины и женщины – женщины выбирают, но делают вид, что выбор за мужчинами, и не обо всем можно говорить вслух.

– Опаньки, а вот и наши покойнички, – послышалось совсем близко, – мы вас чуть не похоронили. Думали, что ни вас, ни озера не осталось.

Появление Алексея с девушками почему-то разозлило Андрея – Лариса сразу же сделалась другой.

– Не знаю, кому из нас повезло, – ответил Андрей.
– Я впервые видел такое. Что у тебя с плечом?
– Царапина.
– Вот так и должен отвечать будущий десантник. Знакомьтесь. Аня и Катя, – он перевел взгляд на девушек.
– Андрей.
– Мы уже знаем, – хором ответили они.
«Ну и болтун», – Андрей вспомнил, что сказала ему Лариса.
– Где мое пиво?
– Держи, твоя победа. Я смотрю, ты времени зря не терял, – Леха протянул три холодных бутылочки.

Вся компания расположилась вокруг большого полотенца. Алексей, как всегда, стал рассказывать про себя, время от времени потравливая анекдоты. Вроде бы и правду говорил, но получалось, что он «герой на всех фронтах». Девушки смеялись. Андрей поглядывал на Ларису, но та тут же отводила взгляд. Увлеченные разговором, курсанты и девушки не заметили, как стемнело.

– Надо ехать по домам, – первой сказала Лариса.
Начали собираться. Алексей шепнул Андрею на ухо:
– Аня с Катей со мной впереди пойдут, а ты не теряйся.

К автобусной остановке так шли – трое впереди, двое сзади. Андрей осторожно обнял Ларису и, не почувствовав сопротивления, прижал ее к себе покрепче.

– Можешь позвонить мне завтра, – она назвала номер телефона. – Я устала и хочу домой, – а затем торопливо поцеловала его в щеку, – только сегодня я почувствовала себя в полной безопасности.

Из-за горки показались фары легковой машины, Лариса выбежала на дорогу и вскинула руку. «Жигули», взвизгнув тормозами, остановились. Водитель не спешил открывать дверку, опустил стекло.

– Сколько вас? Пятерых не повезу.
– Девочки, вы со мной? – крикнула Лариса подружкам.

Она села на переднее сиденье, Аня с Катей разместились сзади. Взревел мотор, «тачка», оставив курсантам на воспоминание едкий дым, исчезла за поворотом. На небе одна за другой появлялись звезды. Андрей смотрел на них и не мог поверить в то, что произошло сегодня. Смерч казался ему далеким воспоминанием, сном, но боль в плече напоминала – это реальность. Он повторял про себя номер телефона Ларисы, боясь забыть его.

Леха подждал его на автобусной остановке.

– Ну что, взял телефончик?
– Да, – односложно ответил Андрей.
– Она классная.
– Может быть.
– Ты видел, какая у нее грудь?
– Хватит, заткнись.
– А вот и автобус, – никак не отреагировав на грубость, Алексей подошел к краю дороги. Через час они были уже в городе.

* * *

За воротами с красными звездами и высоким бетонным забором бывали далеко не все жители Рязани. Но зато все знали, что тут находится Высшее военно-десантное училище, одно из лучших в Союзе. Все, кому посчастливилось преодолеть конкурс и поступить в него, не

сразу становились десанниками. Надо было еще доказать себе и остальным, что они достойны служить в рядах ВДВ.

На малой скорости из ворот выехал «Урал». Не прошло и пяти минут, как грузовик выкатил на кольцевую и направился в сторону полигона, где должен был пройти зачет по прохождению полосы препятствий. Через полчаса грузовик прибыл на место.

До начала зачета оставалось около двадцати минут. Все курсанты волновались. Но только один Андрей Лавров чувствовал себя спокойно, он верил, что у них все получится. За время учебы в Рязанском командном училище, он выработал спокойную и непоколебимую систему защиты собственной психики. Не зря его назначили командиром отделения, не зря Лавров носил погоны сержанта. Сегодня на нем лежала большая ответственность – привести всех своих товарищей к заветной мечте – стать настоящими десанниками. И он знал, что сделает это.

– Все-таки хорошо, что мы получили увольнительную, по-другому теперь на мир смотрю, – сказал Андрей Лавров Алексею Загорскому.

– Ты хоть спал не один, а с Ларисой... Как она?

Спрыгнув первым из машины, он построил отделение в шеренгу и скомандовал:

– За мной.

У самой полосы препятствий их уже ожидал высокорослый мужчина грубоватой наружности – капитан воздушно-десантных войск Резников. Его грозный вид мог вселить неуверенность в кого угодно.

– Здравия желаем, товарищ капитан, – одним голосом выкрикнул десяток курсантов.

Словно не слыша приветствия прибывших курсантов, капитан оценивающе посмотрел на сержанта Лаврова и нахмурил густые брови.

– Посмотрим, как ты подготовил своих ребят. За мной!

Полоса препятствий представляла собой широкий участок длиной в пятьсот метров. Вдоль него шел аккуратный дощатый помост с перилами – его-то и красили в свободное время Андрей с Алексеем, зарабатывая увольнительную перед зачетом. В то время как курсанты ползали по грязи, проверяющие офицеры могли ходить по сухому настилу. Препятствия были всякого рода: надо было проползти в густой, как хорошая сметана, грязи сто метров под низко натянутой «колючкой», при этом уложиться в отведенное на это время и не испачкать оружие; далее – стрельба по мишеням; потом предстояло передвигаться на руках по натянутому канату около пятидесяти метров... и в завершение – передвижение по горло в воде со всем боевым снаряжением. При этом надо было не потерять по дороге ничего из боевого снаряжения.

– Напоминаю, – с легкой улыбкой произнес капитан, – на финишную прямую должно прийти все подразделение. Без потерь и опозданий. И если кто-нибудь не сможет выполнить задачу – незачет всему подразделению. Это лишний раз говорит о том, что надо действовать слаженно и оперативно, как одна команда.

Даже перед полосой препятствий грязь была непролазной, и каждый из курсантов молча матерился, понимая, что их ждет впереди. Но впереди, за далеким большим рвом, заполненным водой, находился финишный рубеж, он был еще одним шагом к новой жизни, полной неожиданностей и крутых поворотов. Жизни настоящих десанников.

– Танки грязи не боятся, – тихо сказал один из курсантов.

У капитана слух был отменный.

– Себя не жалеть. Главное, сохранить оружие в пригодном для боя виде. Впереди у вас воды по шею, отмоетесь.

– ...Вчерашний ливень сделал свое, – тихо выругался Алексей Загорский, увязнув ботинком в грязи.

– Леха, все пройдем, – подмигнул ему Лавров.

Андрей в последний раз перед зачетом взглянул на свое отделение, курсанты верили в себя, в победу, вот только Алексей сомневался, и, сфокусировав на нем взгляд, Андрей сказал: – Все получится.

Сержант Лавров подошел к капитану Резникову и доложил, что отделение к сдаче зачета готово. Капитан одобрительно кивнул и жестом руки указал на полосу препятствий, зло улыбнулся, при этом скомандовав:

– Начинайте!

Щелкнул секундомер, время пошло. Секундная стрелка неумолимо заскользила по циферблату. Теперь уже поздно было отдавать команды – только действовать. Короткая пробежка, и Лавров с размаху упал в густую грязь. Он не оборачивался, лишь прислушивался к тяжелому дыханию и ругательствам ребят за собой. Чавкала грязь, скользили по ней локти. Голову не поднимаешь, «колючка» заставляла вжиматься в раскисшую землю, пару раз Андрей даже хватил губами грязь. Свежий воздух, установившийся после вчерашнего дождя, позволял дышать полной грудью. Уже через несколько секунд полевая форма курсантов слилась с окружающим ландшафтом. По грязи Андрей полз первым, задавал темп, он знал, что от его стремления к победе будет зависеть будущее всего отделения. С самого начала он задал слишком быстрый темп, почувствовал это по звукам, грязь хлюпала не только рядом, но и, как показалось ему, в самом начале полосы.

«Лучше рвануть вначале, кто его знает, как оно потом сложится...»

Даже он почувствовал, как сводит руки. Ползти было трудно, грязь замедляла передвижение. Силы были на исходе, но Андрей не сбавлял темп. Ведь он ведущий группы, не может показать слабость перед другими курсантами.

Лавров боковым зрением отметил, что столбики, на которых была укреплена колючка, исчезли, он сорвал из-за спины автомат, перевернулся и глянул назад. Да, он пришел первым. Отделение выкладывалось на всю катушку.

«Успеваем. Главное, ребята ровно идут».

Подавать команды не приходилось, курсанты уже занимали позиции для стрельбы по мишеням. Андрей прижал щеку к холодному автомату. И направил ствол на круговую мишень, целясь в самый ее центр. Прислушиваясь к ритмичному стуку сердца, Лавров считал секунды, готовясь к выстрелу. Совместив прицел с маленьким кружком в центре мишени, он задержал дыхание, прищурился и плавно надавил на спуск. Пуля достигла цели. Мишень легла с первого выстрела. Он отстрелялся первым, уложив свои мишени, но не спешил переходить к следующему этапу. Помог уложить мишень и Алексею, патроны оставались, не сдавать же их, да и результат засчитывается всему подразделению.

Старлей-контролер с секундомером в руке показал жестом, что есть еще целая минута по сравнению с нормативом. Но Андрей уже торопил свое отделение.

«У нас есть небольшая форa во времени. Но лучше не рисковать».

Впереди ждал овраг шириной в пятьдесят метров с туго натянутым канатом над ним. Здесь передвигаться можно было только на руках. Если бы хоть один из курсантов сорвался в воду, то зачет не сдавало все отделение.

Шершавый канат рвал кожу на ладонях. Казалось, что раскачиваешься не ты сам, а качается вода, в которой отражается утреннее небо. Андрей шел вторым, пропустив вперед Загорского.

«Пусть почувствует, что от него зависит успех других. Что это он может подбодрить всех».

Алексей свалился на землю, перебрав последние метры каната.

– Секунду... полежать, – прошептал он, счастливо и одновременно зло улыбаясь.

Андрей приложил горячие, саднящие ладони к земле и, не отрываясь, смотрел на подрагивающий канат.

– Еще один, еще... – шептал он и тут же прикусил губу.

Курсант, шедший предпоследним, громко выругался, пальцы левой руки соскользнули с каната, и он повис над водой на одной правой.

– Автомат не упусти, – крикнул Андрей.

Парень дождался, пока канат чуть успокоится, и рывком дотянулся до него.

– Порядок.

Руки гудели от напряжения, кружилась голова, но даже восстановить дыхание Андрей не успел, впереди ждало последнее испытание – передвижение по горло в воде в полной боевой выкладке. Все сильно устали, но то, что этот рывок последний, придавало сил.

Андрей ступал по неровному, вязкому дну, неся над собой вещмешок с подсумками и автомат. Он чувствовал, что одно неверное движение, оступишься, и тяжелое снаряжение поведет в сторону, тогда равновесия не удержать. Ледяная вода сводила уставшие ноги, но обошлось, Лавров ступил на берег. Добравшись до финишной прямой, сержант бросил тяжелый вещмешок. Теперь он наблюдал за теми, кто еще находился в воде. Пока все шло отлично. На берег выбралось уже шесть человек.

«Значит, еще трое».

Но тут Лавров понял, что в воде находится только двое курсантов.

«Кого нет?»

– Где Загорский? – крикнул он.

– За мной, – переведя дыхание, ответил курсант, шедший последним, и обернулся. – Вон он! – заорал и чуть не упустил снаряжения, пытаясь показать на воду.

В десяти метрах от берега из-под воды шли пузыри. Курсант застыл в нерешительности.

– К берегу, – приказал ему Лавров и с разгону нырнул в воду.

Муть, только и видно, что на улице день, а не ночь. Андрей вынырнул, отплеываясь. Пузыри шли из-под воды в стороне. Самое странное, не было страха за жизнь Загорского, только злость из-за того, что может сорваться зачет. Еще одно погружение, теперь Андрей уже не промахнулся, он ухватил Загорского сначала за шиворот, затем под руки, вынырнул вместе с ним. Алексей продолжал прижимать к себе снаряжение и автомат. В считанные секунды Андрей вытащил на берег Загорского. Тот наконец открыл глаза.

– Мы сдали зачет? – на данный момент это было единственной вещью, которая волновала Алексея.

– Еще не знаю, – Андрей вылил воду из ствола автомата Загорского, – как Резников решит.

Капитан сделал вид, что ничего не видел, словно, и не побывало оружие Загорского в воде.

– Теперь все позади, – сказал Алексей и добавил: – Мы же одна команда.

К курсантам подошел капитан. Но теперь на его лице не было ни ухмылки, ни пренебрежительного взгляда.

– Курсант Загорский, у вас все в порядке?

– Ногу свело, судорога, – Алексей сидел и пытался размять затвердевшую мышцу.

– В строй стать сможете? – капитан бросил взгляд на оружие, но промолчал.

– Так точно, товарищ капитан! – Загорский моментально вскочил на ноги.

– Сержант Лавров, постройте отделение.

В тишине все ждали, что же скажет капитан, а в нужные моменты тот умел держать паузу.

– Товарищи курсанты, поздравляю вас со сдачей... – летел над полигоном хорошо поставленный командирский голос Резникова.

* * *

Всякая учеба рано или поздно подходит к концу. Настал и день выпуска курсантов. На плацу Высшего командного училища ВДВ собралось много людей, это был один из тех редких дней, когда вход посторонним на территорию открыт. Родственники, друзья, девушки курсантов пришли посмотреть на торжественный выпуск молодых лейтенантов. Неподалеку от трибуны разместился военный оркестр. Все места на трибунах для зрителей были заняты, те, кому их не хватило, устраивались по периметру плаца. Все с нетерпением ждали начала официальной части мероприятия. Среди тех, кто не успел занять место на трибунах, была и Лариса. Блондинка выделялась из присутствующих здесь девушек не только красотой, но и белоснежным платьем. В отличие от других зрителей, оживленно разговаривавших между собой, Лариса спокойно стояла и смотрела на аллею, на которой скоро должны были появиться молодые лейтенанты, среди них и Андрей.

Зазвучал оркестр, все зрители мгновенно перестали обсуждать то, о чем так усиленно разговаривали минуту назад. Под звуки барабана и духовых на аллее показался строй вчерашних курсантов. Голубые береты и праздничная военная форма. Выстроившись на плацу, курсанты замерли в ожидании торжественной речи генерала Ерохина. Генерал поднялся на трибуну. Звуки барабанов и оркестровых труб резко смолкли. Откашлявшись, поправив медали, генерал приступил к торжественной речи.

– ...Сегодня, в этот праздничный день, мы, все присутствующие здесь, собрались, чтобы поздравить... с окончанием Высшего командного училища ВДВ, – голос генерала летел над плацем.

Внимание всех в этот момент было приковано к шраму на его смуглом лице, полученному в Афганистане. Выждав несколько секунд, он продолжил:

– Я уверен, что они с гордостью выполнят свой воинский долг перед Родиной, защитят интересы своей страны. И даже в наше нелегкое время мы должны...

Ерохин любил произносить долгие речи о доблести советских солдат, о политике коммунистической партии. Монотонная речь генерала начала приносить свои плоды – зрители постепенно теряли интерес к тому, что так оживленно выкрикивал оратор. Через некоторое время, к всеобщей радости, речь была окончена. Под звуки фальшивых аплодисментов генерал, удовлетворенный своей речью, был готов принять прохождение торжественного строя.

Снова прозвучала барабанная дробь. Курсанты начали движение. Пройдя мимо трибуны, выпускники как один достали монетки и одновременно подбросили в воздух – это была многолетняя традиция. Со звоном золотистые монеты врезались в асфальт. Алексей Загорский почувствовал, как что-то ударило в плечо, он обнаружил, что на его новеньком лейтенантском погоне лежит монета. Андрей шепнул ему:

– Богатым будешь. Это ж надо, так повезло.

– Богатый лейтенант? Это что-то новенькое, – с улыбкой на лице произнес Алексей...

А после, когда строй был распущен, Лавров бросился искать Ларису. Все выпускники искали родственников, друзей. К Андрею со всех сторон подходили бывшие курсанты, их матери, отцы и крепко пожимали руку. Протиснувшись сквозь толпу, он увидел, что место, на котором сидела его невеста, оказалось пустым.

«Но куда же она пропала, я ведь видел ее во время церемонии», – подумал про себя Лавров. К нему опять ринулись родственники курсантов.

– Я мама Костика, он мне так много про вас рассказывал. Вы настоящий... – перед ним появилась старая женщина с большой шляпой на голове, поля были не меньше полуметра.

– Очень приятно. Всего хорошего, – улыбался Андрей.

В данный момент он думал только об одном – куда подевалась Лариса.

Он увидел ее рядом с Алексеем Загорским.

– Вот, сторожил, чтобы никто такую красоту от тебя не увел, – рассмеялся Алексей, – хорошую ты себе невесту подыскал. Жаль, не я первый на нее глаз положил. Я Ларисе сказал, что нас в одну часть направляют служить, она обрадовалась.

Глава 2

По всей территории Советского Союза прокатилась большая волна перемен. Никто и не подозревал, что такую великую и могучую державу в один момент может настигнуть крах. Большие изменения произошли и в армии: сокращение и развал вооруженных сил, повальное разложение, воровство. Именно в центре этих событий оказались Алексей Загорский, Андрей Лавров и его жена Лариса. Время сделало свое. Люди сильно менялись не только внешне, но и внутренне. Становились более расчетливыми и практичными. За эти годы в их жизни произошло многое. И лишь для некоторых одно осталось постоянным и незыблемым – любовь к Родине.

И Лаврова и Загорского направили служить в одну и ту же часть, знаменитую Псковскую дивизию ВДВ. Знаменитой она была не только тем, что в ней служили лучшие из лучших, но и тем, что это была единственная дивизия, которую почти не задела волна перемен, прокатившаяся по всей стране.

Приехав в дивизию, Лавров сразу заметил, что жаловаться не на что. В отличие от других частей здесь было аккуратно и чисто. Было видно, что здесь не обходится без жесткой дисциплины и сильного контроля. Именно эти два качества и отличали эту дивизию от большинства других, которые находились в этой стране.

Получив служебные квартиры в военном городке под Астраханью, Алексей и Андрей втягивались в службу. Они были довольны своим положением. Чего можно желать еще молодым офицерам?

* * *

Однажды вечером, когда Лавров вернулся домой с дежурства, у него состоялся серьезный разговор с Ларисой. Он и не предполагал, что жена недовольна их положением. Ведь до недавнего времени все складывалось как нельзя лучше. Выслушав Ларису, которая была недовольна жильем, окружением, обстановкой и вообще всем, что было связано с этим местом, Андрей объяснил ей, что намерен остаться служить здесь. Казалось, жена поняла его. Со временем все улеглось, лейтенант Лавров больше не замечал в поведении жены ничего такого, что напоминало бы ему о том неприятном разговоре.

Жизнь шла своим чередом. Андрей служил добросовестно, не стремился сделать себе быструю карьеру.

«Всему свое время», – размышлял он про себя.

В отличие от своего приятеля, Алексей быстрыми темпами набирал карьерную высоту, став старшим лейтенантом раньше, чем приятель. Он не щадил своих бойцов, изнуряя их многочисленными показушными тренировками. Загорский и Лавров общались только по службе, их дороги неумолимо расходились. Уже не было прежней ясности и открытости в отношениях. Как оказалось, жена Андрея знала о Загорском значительно больше своего мужа. От нее Андрей и услышал, что Алексей поступил в академию и переезжает в Москву. Услышанное не удивило его, он уже знал, что Алексей карьерист. Его заинтересовало только одно – почему эту новость он впервые узнал от Ларисы, а не от самого Загорского.

– Вот видишь, Лешка в Москву поехал. А когда же мы?..

– Опять за старое. Я ведь тебе уже объяснял, что не намерен лизать задницу начальству, – выкрикнул он.

Настроение Лаврова резко испортилось, не хотелось оставаться дома и выслушивать упреки жены. Сильно хлопнув дверью, он вышел на улицу и присел на скамейку возле сосед-

него подъезда. Мысли в голове, как калейдоскоп, бешено сменялись, Лавров не понимал, чего хочет от него Лариса.

Андрей вспомнил, как впервые познакомился с Алексеем, почти у такого же подъезда, возле которого сейчас сидел он.

«Ничто не вечно. Любим отношениям рано или поздно приходит конец. Мы просто разные люди, у каждого свои цели в жизни. И своя дорога», – думал он про себя.

Решив в последний раз повидаться с Алексеем, Андрей поднялся к нему в подъезд. Вдав пуговку звонка и постояв у двери на третьем этаже, Андрей не дождался ответа. Повторив попытку, Лавров пошел к себе.

«Наверное, где-то в гостях», – решил он.

Лавров и не подозревал, что за дверью стоял Алексей. Просто Загорскому не захотелось затевать длинный разговор, он порвал со своей прошлой жизнью, а соответственно и со всеми друзьями, которые связывали его с ней. Ему не терпелось поехать в Москву и начать новую жизнь, о которой он так давно мечтал.

Через несколько дней Лавров уже не вспоминал о приятеле, уехавшем даже не попрощавшись. Он вошел в привычный рабочий ритм. В последнее время командование игнорировало его предложения. Но Лавров не стал бы отходить от своих принципов и правил. Он был строг, всегда мог вступить за своего бойца, за что был в почете у солдат, но не в фаворе у начальства. За эти качества он и получил свое прозвище – Батяня, всегда относился к своим бойцам по-отцовски.

Но каждая медаль имеет две стороны. Недолюбливало его начальство, самостоятельность Лаврова воспринималась командованием как самодеятельность.

* * *

Проходили недели, месяцы и годы. Лавров уже не всегда после службы спешил домой. Сказывались ссоры с женой. Да еще и постоянные упреки начальства. Напряжение ощущалось во всей военной части. На днях должна была приехать очередная комиссия из Москвы. Все суетились, спешили, приводили в порядок дела там, где и привести-то их невозможно. В бешеном водовороте событий проходили последние дни перед проверкой.

Уставший за целый день, Лавров вернулся домой. Включив свет на маленькой кухне, он не обнаружил на плите привычного ужина, который всегда готовила Лариса. Заглянув в комнату, лейтенант нашел на столе лист бумаги.

«Мне надоела скучная жизнь. Я достойна большего. Сегодня ночью у подруги. Это только начало. Если так будет продолжаться дальше, то я уеду к себе домой».

Прочитав записку и выругавшись про себя, Андрей разорвал ее на мелкие кусочки. Первой мыслью было позвонить подруге Ларисе, но потом он понял, что уговорить жену будет непросто. Лежа один на кровати, Лавров начинал осознавать, что карточный домик с названием «семейная жизнь офицера», который он строил с большими усилиями, рушится.

«Надо выбирать: служба в части или семья. Но я больше ничего не умею делать, это моя работа и мое призвание. Нет, служить в ВДВ – это больше, чем просто жизнь. А с Ларисой все утрясется. Соскучится и вернется обратно. Все наладится...» – думал он. Его глаза постепенно закрывались. Усталость брала верх. Лавров заснул.

Проснувшись, он по привычке протянул правую руку на ту половину, где обычно лежала Лариса. Но, не найдя ничего, кроме подушки, он вспомнил о записке. Приготовил себе кофе и через полчаса уже стоял на утреннем разводе при полном параде перед комбатом.

В четыре часа дня «долгожданная» проверка приехала. Все собрались на большом полигоне. Местное командование во главе с командиром части ублажали привередливых московских гостей. После показательных учений, которые, как всегда, прошли на высшем уровне бла-

годаря роте Лаврова, комиссия направилась к столу. «Поляну накрыли» по первому разряду, выставив перед гостями море спиртного.

Лаврова даже не приглашали к столу, но он особо и не рвался туда, пошел домой. Дверь была не заперта. Облегченно вздохнув, Лавров улыбнулся – жена вернулась. Переступив через порог, он услышал, что Лариса с кем-то разговаривает.

«Болтает по телефону», – первое, что пришло в голову Андрею.

Зайдя на кухню, лейтенант не поверил своим глазам – возле окна, удобно расположившись на диване, сидел Алексей Загорский, которому Лариса что-то усиленно рассказывала, стоя за плитой. На лице Лаврова застыла маска растерянности, он думал, что больше никогда не увидит своего бывшего друга.

– А вот и Андрей, – жена заметила мужа.

– Здорово, – Загорский протянул руку, на плече сверкнула звезда майора.

– Ну привет. Какими судьбами? – Андрей пожал руку. Заданный вопрос прозвучал без доли фальши, ему в самом деле было интересно узнать, зачем приехал Леха.

Немного помолчав и посмотрев на Ларису, Алексей объяснил причину своего приезда в Псковскую дивизию.

– Я в составе комиссии. Проверка будет продолжаться две недели. Ты не против, что я зашел к тебе без предупреждения?

– О чем разговор.

– Андрей, в гарнизонной гостинице тесно, – улыбнулась Лариса, – вы долго не виделись. Предложи Алексею пожить у нас.

– Если ты против, то я, конечно, могу в гостинице... – выдержав длинную паузу, Загорский посмотрел на Андрея.

Не дав ответить мужу, Лариса, отойдя от плиты и став напротив Лаврова, сказала:

– У нас как раз и кровать свободная есть. Места хватит, – ее слова прозвучали решительно.

Лавров без особой охоты согласился. Он не хотел спорить с женой, их отношения и так висели на волоске. Во время ужина Загорский рассказал, как он учился в академии, как стал майором, как поднимался по карьерной лестнице. У него было все: квартира в Москве, машина, деньги и вроде бы уважение подчиненных. Для полного счастья ему не хватало лишь одного – любящей жены. Все сказанное Алексеем не интересовало Андрея.

«Человек с такими возможностями и влиянием мог бы без проблем найти гостиницу в самом Пскове. Зачем ему тесниться с бывшим другом и его женой в двухкомнатной квартире» – вот чего не мог понять Лавров.

«Может, он специально хочет мозолить мне глаза своими погонами», – подумалось неожиданно.

Расправившись с необычайно сочной отбивной, Лавров допил чай. Посмотрев на настенные часы, заметил, что стрелка приближается к отметке «12». Его взгляд перехватил гость.

– Да, надо выспаться. Ты прав.

Лежа в кровати, Лавров никак не мог заснуть, будучи удивлен неожиданным появлением Загорского, который сейчас спал в соседней комнате. Чувствуя упругое тело Ларисы, он прикоснулся губами к ее нежной коже. Блондинка ответила тем же. Отбросив неприятные мысли, Андрей погрузился в море наслаждений.

* * *

Следующий день проверки проходил в том же ключе, что и первый. Финалом был стол, после которого некоторые почетные гости из Москвы на следующий день были не в состоянии продолжать осмотр части. Так длилось целую неделю, после чего высокопоставленным

гостям надоело пить на природе и они дружно решили поехать в Псков для осмотра местных достопримечательностей. Главным экскурсоводом по барам, ресторанам и баням стал командир части. И только самые преданные своему делу ревизоры остались в дивизии, бухать с майором Шугаевым.

Проходя мимо складов, Лавров увидел неприятную картину – выпивший московский гость с погонями майора материл за что-то прапорщика, прошедшего весь Афган. И только звезды на погонах ревизора сдерживали прапора реализовать непреодолимое желание съездить по бухой роже проверяющего. Андрей никогда не оставлял своих в беде. Убедившись, что московский гость еле держится на ногах, Лавров сдержанно попросил того пойти и проспаться.

– Завтра, майор, на трезвую голову претензии выскажешь.

– Чего? – ревизор наконец обратил внимание на Лаврова.

– Что тут произошло?

– Вали отсюда, не твое собачье дело, – дыхнув водкой в лицо десантника, произнес бухой проверяющий.

– Иди, проспись, – сказал Лавров, несмотря на то, что московский гость был выше званием.

– Ну, ты нарвался, – ревизор занес руку над головой лейтенанта.

Легко увернувшись от удара и отойдя в сторону, Лавров произвел прямой удар в челюсть. Майор пошатнулся и, потеряв равновесие, завалился набок. Бутылка водки, засунутая в карман кителя, разлетелась вдребезги. Прапорщик потерял дар речи, но, оценив сложившуюся ситуацию, обратился к Батяне:

– Конечно, спасибо, но за это ведь и под трибунал пойти можно.

– За меня не волнуйся. Он был бухой и первый поднял на меня руку, – спокойно ответил Лавров.

Ревизор постепенно начинал приходить в себя. Дотронувшись до подбородка и ощутив боль, он взвыл, как волк.

– Сука, тебе конец. Я тебя запомнил, – пытаясь подняться с земли, прошипел московский гость.

Не ответив на угрозу бухого майора, Лавров пожал руку прапорщику и пошел дальше.

Следующий день для Лаврова не предвещал ничего хорошего. Все началось с вызова на ковер к майору Шугаеву. Опухшее лицо майора и круги под глазами не предвещали для лейтенанта хорошего поворота событий. Отхлебнув из графина воды, Шугаев облизнул пересохшие губы и тупо уставился на Лаврова. Лавров сделал вид, что только сейчас догадался, по какому поводу вызвал его майор. Выслушав его ругань, Лавров спокойно спросил:

– Разрешите идти?

Лавров понял, начальство не волнует то, что московский гость был пьян и первым пытался нанести удар. Не убедили даже слова прапорщика, вызванного как свидетеля.

Голова раскалывалась, настроение было на нуле. Вернувшись домой раньше обычного, Лавров заметил в коридоре дамскую сумочку и понял, что жена дома.

«Вот и окончилась моя служба. Кем я теперь стану? Устроюсь охранником на фирму? Да, с голоду не умру, – думал про себя десантник. Надо собрать вещи, завтра, наверное, придется уезжать. Наконец-то я обрадую Ларису, она давно хотела, чтобы мы переехали».

Приоткрыв дверь в спальню, Батяня застыл на месте, он не мог поверить своим глазам: не услышавшие прихода Лаврова, Лариса и Алексей занимались любовью. Мысли остановились, перед глазами поплыло. Осторожно прикрыв дверь, Лавров вернулся в коридор.

Он пытался убедить себя, что все это ему привиделось. Сел на стул. Обхватив голову руками, Лавров уставился в пол, пытаясь найти там ответы на все вопросы. Но тут стоны жены в спальне стали громче. На десантника нахлынул порыв злобы и отвращения ко всему происходившему. Вскочив, Батяня что было силы врезал ногой в дверь. Сорвавшись с петель, она с

грохотом упала в комнату, заставив Алексея обернуться. Не задавая лишних вопросов, Лавров набросился на Загорского. Лариса отскочила к окну и громко закричала.

На глазах у нее разворачивалась борьба не на жизнь, а на смерть. Первый удар Андрея пришелся в дых майору, заставив противника задержать дыхание. Второй, более увесистый, – в левый глаз, заставляя его уходить в защиту. Блоки Алексея не спасали от сокрушающих ударов взбесившегося мужа. Вскоре постель была уже покрыта брызгами крови.

Лариса выбежала из квартиры.

Когда, полностью обессилив, проверяющий из Москвы уже не защищался, а его тело превратилось в грушу для битья, взбешенный десантник, повалив Загорского на пол, продолжал обрушивать на него удары.

На пороге спальни появился лейтенант. Он поднимался к своему другу на третий этаж, услышал, как из квартиры Лавровых доносятся крики. Перепуганная Лариса попросила его вмешаться. Не медля, лейтенант вбежал в квартиру, входная дверь в которую осталась приоткрыта. Он бросился разнимать двух мужчин. На счастье Алексея, лейтенант оттащил от него разъяренного Андрея, тот уже не отдавал отчета своим действиям. Лавров сидел в углу спальни и смотрел на свои забрызганные кровью руки. Вспомнив солдат, которых тренировал Алексей, вспомнив, с какой жестокостью он заставлял их молотить кулаками о кусок деревянной доски, Лаврову стало не по себе.

«Чем я лучше? Да ничем, стал таким же чудовищем. Только удары наношу не по доске, а по живому человеческому телу».

В другом углу спальни лейтенант приводил в чувство Загорского. Лариса стояла, прикрыв лицо руками, она рыдала. Случайный гость попросил ее принести губку и воды. Но Лариса не могла сдвинуться с места. И только когда лейтенант повторил просьбу, она вышла из оцепенения. Через некоторое время Алексей начал приходить в сознание. Промыв водой кровоподтеки на лице поверженного Загорского, лейтенант узнал в пострадавшем ревизора московской комиссии. Он посмотрел на поникшего Андрея, облокотившегося на стену.

«Да, Лаврову не позавидуешь. Теперь его ждет трибунал», – подумал лейтенант.

Алексей Загорский с трудом поднялся, лейтенант расспрашивал Ларису о причинах драки. Но ее несвязная речь вперемешку со слезами не нарисовала полной картины. Загорский поблагодарил лейтенанта.

– Спасибо, мы разберемся сами. И запомните, вы ничего не видели, – первая часть реплики Загорского звучала спокойно, в отличие от второй, которую он произнес с явной угрозой в голосе.

– Я все понял. Ничего не было, – явно испугавшись, произнес лейтенант, – зачем мне проблемы с московской комиссией. Да и вообще, это все меня не касается.

Развернувшись, случайный гость покинул квартиру. Андрей все еще не мог прийти в себя. Он понимал, что чуть не убил Загорского. Поднявшись с пола, Лавров неопределенно махнул рукой. Он не мог больше находиться в квартире, видеть Ларису и Алексея, хотелось уйти подальше, отрешиться от проблем, которые свалились ему на голову. Медленно он прошел мимо жены, Лариса сидела на кровати и вытирала слезы, что-то несвязно говорила. В один миг красивая и молодая любимая женщина, превратилась для него в самую простую, которых он, гуляя по городу, мог встретить не одну тысячу.

Окинув взглядом спальню, Лавров задержался на кровати. Пятна крови, смятые простыни, растрепанные подушки – все это напоминало его теперешнюю жизнь, со всеми ее неожиданными поворотами. Он все еще не мог поверить в то, что произошло. Кто он теперь такой? Что с ним будет? Зачем жить дальше, и вообще, есть ли во всем этом смысл? Он не находил ответа.

– Завтра я уезжаю, – прервав размышления Андрея, произнесла Лариса, – не хочу тебя больше видеть. – Сказанное не произвело никакого впечатления на Лаврова, он и так понимал, что между ними все кончено.

– Я давно должен был догадаться, что у тебя бывало что-то с Алексеем, – спокойно ответил Андрей Лавров.

– Я тебе говорила, что не хочу жить здесь. Ты неудачник, у тебя ничего не получается. Не собираюсь тратить свою молодость на тебя. Я создана для красивой жизни. Да и биологический факультет Московского университета не для того окончила, чтобы с тобой в этой дыре сидеть. Я уйду к Алексею, он обеспечит меня всем, в отличие от тебя, ты... – не успев договорить, Лариса встретила взглядом с Андреем и замолчала.

– Извини меня, я стал другим за последнее время, – смотря прямо в глаза капитана, произнес Загорский. Выдержав пятисекундную паузу, майор продолжил: – Ты поступил правильно, на твоём месте я бы сделал то же самое. Единственная моя ошибка в том, что я не сказал тебе об этом раньше. Ещё тогда, на пляже, она понравилась мне. Мы встречались тайком от тебя, занимались любовью на твоей постели, когда тебя не было дома. – Он думал, что сказанное шокирует Андрея, но ничего не происходило, Лавров по-прежнему внимательно слушал Алексея.

– Сам понимаешь, я свое получил, – он осторожно дотронулся до синяка под глазом, сильно напухшего от крови. Но, почувствовав боль, резко отдернул руку и продолжил: – Я знаю, что у тебя ещё проблемы с начальством, а тут ещё и это... С кем не бывает...

– А ты все-таки редкостная сволочь. Если бы узнал раньше, то убил бы, – произнес Андрей, – оставайтесь вместе, трахайтесь, сколько хотите. – Поднявшись с дивана, Лавров хлопнув дверью, вышел из комнаты.

При выходе из подъезда Андрея обдуло осенним ветром. По дороге, прилегающей к пятиэтажному дому, неслись клубы пыли вперемешку с желтыми листьями. Лавров почувствовал полную свободу, он ещё никогда раньше не испытывал подобного чувства. Застегнув верхнюю пуговицу, он зашагал в сторону кафе.

«Нажрись!» – выдавил из себя Лавров.

В тот вечер Андрей напился, оставшись ночевать у прапорщика Егорова. Прапорщик искренне сожалел. От него самого два года назад ушла жена, забрав с собой трехлетнюю дочку. Так что проблемы, которые свалились на Лаврова, прапорщик воспринимал с пониманием. Поднявшись наутро, Андрей почувствовал сильную головную боль, сначала не осознавая, что находится в чужой квартире.

Чужая обстановка вернула его в реальность. Слабость во всем теле. Увидев ещё спящего прапорщика, Лавров не стал его будить и, одевшись, направился к себе домой. Его квартира находилась в соседнем доме через дорогу, через пять минут Лавров уже поворачивал ключ в замке. С легким скрипом дверь открылась. Войдя в прихожую, он почувствовал непривычную пустоту в доме. Дверцы шкафов настежь распахнуты, в углу валялся костюм, купленный ему Ларисой на день рождения. На полу, возле кровати, были разбросаны его личные вещи. Постель так и не убрана. Окровавленные простыни напомнили о вчерашней драке. Подняв свою любимую рубашку, Андрей отряхнул ее и повесил в шкаф. На книжном столике лежала поломанная рамка со свадебной фотографией. Осколки разбитого стекла захрустели под ногами. Достав сигарету, Андрей закурил. Опустившись на мягкое кресло, задумался. Квартира стала для него чужой.

«К чему я стремился, от чего бежал? А что получил взамен? Сейчас я вернулся к тому же самому», – подумал про себя Лавров.

Табачный дым окутывал спальню, складывался в причудливые фигурки, они быстро появлялись и так же быстро растворялись. Лавров откинул голову на спинку кресла и, выпу-

стив струю дыма, уставился в потолок. На улице начался дождь. Капли врезались в подоконник, отбивая барабанную дробь.

Звонок в дверь заставил Лаврова встрепенуться. Он открыл дверь. На пороге стоял прапорщик, за которого он вчера заступился. Пригласил его войти, провел в зал.

– Что, опять проблемы?

– Ты не поверишь, но дело замяли. Я был сильно удивлен, – с улыбкой на лице произнес прапорщик.

– Какое дело? – капитан не мог понять, о чем идет речь, да к тому же раскалывалась голова.

– Ну ты даешь, – прапорщик окинул взглядом комнату. – Кстати, а где твоя жена? – он уставился на Андрея.

– Ушла, – с такой же усталостью в голосе произнес Лавров. – Так что за дело? – Андрей в самом деле заинтересовался.

– Тебя оправдали. Можешь служить дальше. Ревизор из Москвы не стал писать заявление. Он признает, что был пьян.

Лавров не мог понять, почему московский гость забрал свое заявление.

«Что побудило его сделать это?» Подойдя к прапорщику, капитан похлопал его по плечу. Он все еще не мог поверить, что все обернулось таким образом. Настроение немножко улучшилось, Лавров начинал осознавать, что не все так уж и плохо, как он думал. Проводив прапорщика к двери, он принялся наводить порядок в квартире. Нежданная новость вдохнула в Батяню новые силы. Он решил окончательно – забыть старое и жить сегодняшним днем, поставив крест на надежде иметь семью.

Если чем-то занимаешься упорно, результат не заставит себя ждать. И через некоторое время он уже носил на плечах погоны майора, командовал батальоном элитного спецназа ВДВ, расквартированным под Астраханью. Лаврову стукнуло сорок, за эти годы он успел побывать в Таджикистане, Дагестане и Приднестровье.

Глава 3

Несмотря на суровую погоду, на заснеженном военном аэродроме проводились занятия. На летном поле стояли огромные «Ил-76». Одним своим видом они внушали мысли о величии и непобедимости, хотя большинство из них находилось в непригодном для полетов состоянии. На фоне самолетов десантники выглядели не больше муравьев.

Инструктор-прапорщик, прикрыв голову капюшоном, таким образом спасаясь от сильной метели, наблюдал, как десантники справляются с поставленной им задачей. Ему явно не нравилось, как проходят занятия по рукопашному бою, он ждал большего от ребят. Инструктор направился к одному из десантников и продемонстрировал, как надо производить бросок через плечо. Но сам поскользнулся, чуть не сломав руку обучаемому.

– Ребят тебе не жалко? – из-за спины инструктора послышался звучный голос.

– В учении не жалко, жалко будет в бою, – обернувшись, прапорщик увидел мужчину средних лет крепкого телосложения, одетого в камуфляж, из-за плащ-палатки он не мог разглядеть лица и погон на его плечах.

– Продемонстрируй на мне, я внимательно смотрел на твои движения, но так и не понял, как правильно производить бросок.

Попытка первого захвата прошла неудачно, выругавшись про себя, прапорщик отошел на метр и стал ожидать атаки противника, чтобы поймать его на ошибке, которую тот допустит, обратив внимание на ложный маневр. Немного выждав, незнакомец, даже не снявший плаща, в мгновение ока оказался возле прапорщика – захват и бросок. Не успев опомниться, инструктор уже лежал на земле, глотая белые хлопья снега. Подав руку проигравшему, незнакомец поднял его со снега. Отряхнувшись от снежной массы, прапорщик удивленными глазами уставился на победителя. Он не мог понять, как же удалось просчитать его обманный маневр, да еще и обмануть его самого, сделав ложное движение.

Незнакомец сбросил плащ-палатку. Выражение лица у инструктора резко изменилось.

– Извините, товарищ майор, виноват, не узнал. Думал, вы уже дома. Или хотя бы на «УАЗе» подъедете, – стрельнув рукой под козырек, произнес инструктор.

Майор Лавров запахнул плащ и скрылся в метели. Вскоре он уже входил в клуб. Лавров отряхнул плащ-палатку от налипшего на нее снега. Поднявшись на второй этаж, он зашел в комнату настольных игр. Возле большого окна, как всегда за круглым столиком, бойцы играли в домино. Майор мгновенно остановил сержанта, порывавшегося дать команду, и, поприветствовав всех рукопожатием, отвел в сторону ефрейтора Семенова.

– Ты чего матери не пишешь?

– Времени нет, товарищ майор.

– Напиши, она за тебя волнуется. Если женщина позвонила в штаб, чтобы узнать, не случилось ли чего с ее сыном, это плохо. Как-то не по-человечески получается, Семенов. Ты понял мой приказ?

– Так точно, – ответил ефрейтор.

Оставив ребят, которые продолжили игру, майор Лавров прошел в соседнюю комнату, где стоял телевизор. Посмотрев на часы, понял, что успел к дневным новостям. Расположившись на удобном диване, он включил Первый канал. Выпуск пошел с экстренного сообщения. В одной из центральноафриканских стран произошел военный переворот. Информация сопровождалась репортажем с места событий.

На асфальтированной дороге в центре столицы происходила перестрелка. Прятавшийся от пуль, перебегавший с места на место оператор не мог точно сфокусировать объектив камеры. Изображение было нечетким, картинка тряслась. В кадре мелькали вооруженные до зубов повстанцы. Несколько грузовиков с автоматчиками в кузове пробивались через баррикаду,

установленную правительственными солдатами. Возле стены здания лежали трупы. Прорвав баррикаду, повстанцы продвигались в глубь квартала. Отступая, солдаты правительственной армии отстреливались. Было понятно, что одна и другая стороны несут большие потери. Прогремел взрыв, кадр качнулся, весь экран заволочило облако дыма, и тут же связь с корреспондентом была потеряна. Прозвучал голос диктора, пытавшегося восстановить прервавшуюся связь:

«Мы надеемся, что с нашим оператором и корреспондентом ничего не случилось. Будем ждать возобновления контакта с нашими коллегами. Правительственные войска несут большие потери, но все еще удерживают центральные районы столицы. В ближайшие сутки ожидается подход верных президенту частей с юга страны. А в это время наше посольство эвакуируется. Эпидемиологический центр в столице, построенный еще при технической помощи СССР, подвергся ракетно-бомбовому удару. К счастью, никто из наших специалистов-эпидемиологов не пострадал. Но существует смертельная опасность – возможна разгерметизация контейнеров с образцами вирусов».

Прервав сообщение, диктор прижал рукой правое ухо, где находился миниатюрный наушник, и продолжил: «Режиссер сообщает, что связь с нашим корреспондентом восстановлена. Через несколько секунд появится изображение». На экране вновь возникли кадры происходящего в другой части света. Оператор уже расположился на крыше здания. Несколько десятков чернокожих, вооруженных до зубов повстанцев шли по улице одного из центральных кварталов. Перевернутые машины загораживали улицу, за ними укрылись солдаты регулярной армии. Завязалась перестрелка. Зазвучал голос диктора: «Повстанцы пытаются прорваться к эпидемиологическому центру». Прорвав баррикаду, повстанцы двинулись дальше. «А теперь вы увидите, как был разграблен госпиталь, действовавший под эгидой ООН». Из здания с красным крестом на фасаде выносили оборудование, медикаменты, коробки с красными крестами. «То, что вы сейчас видели, непостижимо здравому уму. В еще недавно спокойной стране идет гражданская война. Людские потери велики с обеих сторон. Много раненых. Повстанцами взят под контроль госпиталь. Национальная армия ничего не может сделать. Ожидается специальное решение ООН по этой проблеме. Мы будем информировать вас о происходящем по мере поступления информации. А теперь к другим новостям...» Лавров выключил телевизор, откинул пульт в сторону и закурил.

Встав с дивана и подойдя к окну, за которым свирепствовала метель, майор вздохнул. Упоминание о эпидемиологическом центре засело в памяти, и он сам не мог сказать почему. Он зло улыбнулся:

«Ну конечно же, Лариса – микробиолог по образованию. Вечно упрекала меня, что не может найти себе работу по специальности в той дыре, где мы жили. Думаю, в Москве она устроилась... Ничего не могут, что это за армия такая? Им только в балете выступать. Я бы там со своим батальоном за два часа порядок навел!» – И это были не пустые слова.

Глава 4

Есть в мире места, о которых сильные мира сего стараются не вспоминать. Кому из президентов великих стран охота признавать, что их власть не безгранична. Что какой-нибудь полу-дикий афганец-таджик, сидя в горах, посмеивается, глядя на то, как лидеры «семерки с плюсом» обсуждают проблемы его родины. Ему и раньше было почти все равно, кто имеет власть в Кабуле. Горные окраины всегда жили своей жизнью. И власть в здешних краях принадлежала тому, кто был сильнее других, кому удавалось подмять под себя наркоторговлю. Полевые командиры цепко держали власть в своих руках и во время советско-афганской войны, и во времена правления талибана, и теперь, когда Афганистан оккупировали американцы.

Взяв со стола колодку и присоединив ее к ударно-спусковому механизму, Омар удовлетворенно посмотрел на проделанную работу. Взглянув на наручные часы, он остановил секундомер и широко улыбнулся. Разобрал и собрал пистолет всего за полминуты. Выставив пистолет перед собой, сжав его в руке, передернул затвор. Раздался характерный щелчок, к которому он привык с самого детства. Направив ствол на старую карту Советского Союза, он нажал на курок. Пуля попала точно туда, куда он целился, – дырка оказалась проделана в Москве, из нее выходила тонкая струйка дыма. Резким движением Омар отправил пистолет в кобуру.

Три года назад он провозгласил себя бригадным генералом. Хотя на самом деле был обычным полевым командиром, каких в Афганистане наберется не один десяток. Но так звучало солиднее.

Зазвенел спутниковый телефон. Достав из камуфляжной жилетки аппарат внушительных размеров, Омар принял вызов. Через треск помех он расслышал голос Урсула. Нечасто выходил с ним на связь этот человек. И в самом деле, что может быть общего у афганского полевого командира и лидера одной из исламских террористических организаций в Африке? Но общее всегда найдется. Во-первых, религия, которой прикрывают неблагоприятные дела, а во-вторых – бизнес, наркотики.

– Да... да... надо думать. Ты меня заинтересовал, – сказал Омар.

Разговор был недолгим. Распрощавшись, он задумался, вышел на улицу из своего шатра.

Бородатый афганец крепкого телосложения сторожил вход. С площадки для тренировок доносились крики боевиков. Пройдя мимо заброшенного сарая, крыша которого обвалилась сегодняшней ночью, Омар услышал жалобное мяуканье, заглянул в покосившийся дверной проем. Маленький котенок безуспешно пытался выбраться из-под расколовшегося шиферного листа, придавленного балкой. Завидев человека, котенок умолк, опустил голову на лапы, он ждал, какое решение примет человек, и изредка издавал жалобный писк, все слабее и слабее. Приподняв злополучную балку, бригадный генерал без труда вытащил котенка. Засунув его под полу жилетки, он вышел из сарая. Площадка для тренировок боевиков была солидной, на первый взгляд даже казалось, что по своим габаритам она не уступает футбольному полю. Только вместо ухоженного газона ее покрывал желтый песок. В воздухе над площадкой повисло облако пыли, поднятое тренирующимися боевиками. Омар спустился по длинной каменной лестнице. Инструктор-араб, внимательно выслушав генерала, развел руками – мол, из крестьян за пару недель хороших воинов не сделаешь.

В другом конце площадки велись стрельбы из автоматов. Закурив сигарету и облокотившись о деревянный столб, Омар наблюдал, как тренируются его новобранцы. Ежедневно к нему в лагерь приходили добровольцы, мечтавшие попасть в его отряд. Не у всех мечта становилась реальностью, Омар отбирал только самых подготовленных.

Удобно устроившись в глуши гор, Омар организовал целую страну, в которой все жили в вечном страхе перед бригадным генералом. Время раздумий кончилось, Омар решил, какой

ответ даст на предложение Урсула. Отбросив сигарету, бригадный генерал достал спутниковый телефон.

– Я согласен, – сказал он в трубку по-английски.

– Телевизор посмотри, новости CNN, своими глазами увидишь.

– Понял. Теперь мы сработаем вместе.

Телефон в руках бригадного генерала сменился рацией. Но на вызов никто не ответил. Омар выругался.

«Куда же пропал Масуд?»

Из-за полы жилетки мурлыкнул котенок.

«Проголодался», – бригадный генерал погладил его по пушистой шерсти, подозвал одного из охранников и приказал накормить котенка.

* * *

Неторопливой походкой, переваливаясь, как медведь после зимней спячки, в пещеру зашел мужчина средних лет крепкого телосложения. Было такое ощущение, что надетая на нем майка вот-вот порвется. Играя мышцами и учащенно двигая челюстью, он спустился по ступенькам. Фонари ярко освещали крутую лестницу. Мустафа, бывший правой рукой Омара, всегда ходил в темных очках. Еще в детстве он потерял левый глаз. На его суровом лице очки смотрелись чем-то чужеродным. Спустившись, одноглазый уперся в металлическую дверь. Постучав в нее три раза огромным кулаком, Мустафа облокотился о холодную стену пещеры. Маленькое окошко в центре двери приоткрылось.

– А, это ты. Проходи, – прозвучал хриплый голос.

Засов заскрипел, этот звук Мустафа переносить не мог. Скорчив недовольную гримасу, он прошел внутрь. За спиной послышался все тот же неприятный скрип.

– Когда ты засов поменяешь? – недовольно пробасил одноглазый.

Бородатый охранник виновато замотал головой. Поправив темные очки, Мустафа углубился внутрь пещеры, по длинному тоннелю. От стенок веяло холодком. В отличие от ярко освещенной лестницы в тоннеле было всего три фонаря, расположенных на приличном расстоянии друг от друга. Преодолев этот участок почти на ощупь, он вышел в большой зал. Яркий свет заливал низкий потолок, стены.

Длинные столы, стеллажи с химической посудой находились в центре зала. За ними усердно трудились люди в белых халатах, иногда что-то обсуждая между собой. Только посвященные знали, что здесь расположена лаборатория по производству героина, принадлежавшая Омару.

Одноглазый зашагал к охранникам.

– Только давайте быстрее, у меня сегодня еще много дел, – крикнул им Мустафа, прикуривая сигару.

Выпуская кольца дыма, он устался на одного из лаборантов. Вскоре вернулись охранники. Один из них держал на подносе прозрачный пакет с белым порошком.

– Сегодня они хорошо поработали, – Мустафа вцепился в протянутый ему пакет, – посмотрим.

Одноглазый вновь исчез в тоннеле.

* * *

Омар спешил. Слова, сказанные им Урсулу, обязывали ко многому. Одно дело дать принципиальное согласие, и совсем другое обеспечить операцию. Бригадный генерал нервно вдавил кнопку рации.

– Масуд, слушай внимательно. Мне надо знать, в каком состоянии находится заброшенный аэродром. Узнай, какие самолеты могут на него приземлиться. Свяжись с нашими людьми в Каире. Ты меня понял? Через тридцать минут ты должен все знать. Конец связи. – Послышались короткие гудки.

Не успев отложить в сторону рацию, бригадный генерал схватил оживший спутниковый телефон.

– Да.

– Ну, как тебе новости? – прозвучал звонкий голос Урсула.

– У тебя уже есть точный план?

– Само собой, – Урсул изложил в первом приближении план операции.

– Про аэродром я и сам догадался, мои люди его обследуют, – недовольно отозвался Омар, – начинай действовать.

Через полчаса Масуд сообщил, что взлетная полоса находится в нормальном состоянии и готова принимать самолет. Бригадный генерал, удовлетворенный таким поворотом событий, вышел из шатра. Он сел за руль джипа, а через час был уже на заброшенном военном аэродроме.

Внутри одного из ангаров его ждали Ралон и Масуд со своими головорезами. Заехав в открытый ангар, Омар вышел из машины и быстрыми шагами направился к боевикам. Подружески обнялись и только потом приступили к делу.

– Аэродром не использовался уже десять лет, но наши люди поддерживали его в надлежащем состоянии. Сюда может приземлиться почти любой самолет...

– Я понял, значит, с этим проблем не будет, – перебил Масуда Ралон.

– Я договорился с нашим человеком, он все организует. На него можно полностью положиться, – произнес Масуд.

– Когда это произойдет?

– Я думаю, что завтра с утра. Но может быть, и сегодня вечером. Нас оповестят, – ответил Ралон.

– Все должно произойти без сбоев. Если случится непредвиденное, отвечать будете головой, – пригрозил Омар, обводя взглядом своих подручных.

– Да поможет нам Аллах, – Ралон вскинул руки вверх.

Боевики разъехались в джипах. Заброшенный аэродром опустел, наступила мертвая тишина, и только следы, оставленные протекторами шин на песке, напоминали, что недавно тут были люди. Солнце медленно закатывалось за горы, оставляя после себя темно-красный отблеск. Подымался сильный ветер, покачивая на полуразваленной контрольно-диспетчерской башне длинную антенну. Наступал вечер. Но будет он тихим или беспокойным, еще никто не знал.

Глава 5

Неразбериха, царившая на улицах африканской столицы, вызывала панику среди мирных жителей. Со всех сторон доносились крики и неразборчивая речь. Пробиваясь сквозь затор машин и людей на площади, к высокому зданию подъезжал военный грузовик с эмблемой красного креста на борту. Правительственным солдатам, находившимся в кузове, приходилось время от времени угрожать своим согражданам оружием, а иногда и производить предупредительные выстрелы. Подкатив вплотную к входу в медицинский центр, грузовик остановился. Солдаты оцепили вход в здание.

В помещении было прохладно в отличие от улицы, где стояла невыносимая жара. Страхнув капли пота, образовавшиеся на морщинистом лбу, один из пассажиров грузовика – подполковник в российской форме, отошел в сторону от основной группы, расположившейся в центре зала. Достав из нагрудного кармана телефон, он принялся набирать длинный номер.

Даже не верилось, что сейчас ему ответят прямо из Москвы, настолько разными были эти два мира. Полудикий африканский, в котором находился сейчас подполковник Алексей Загорский, и московский столичный мир.

– Похоже, все чисто, никого нет, хранилище не повреждено, – сказал Загорский.

– Тогда приступайте, – ответили с другого конца линии.

Связь прервалась. Бросив взгляд на двух мужчин в российской военной форме, подполковник направился к ним.

– Эвакуировали персонал? – поморщив лоб, спросил подполковник.

– Да, они уже в пути на аэродром.

– Хорошо. Охрану в посольстве оставили? – пожевывая кубинскую сигару, поинтересовался военный.

– Так точно.

– Моя жена уехала со всеми?

– Я точно помню, как Лариса Ивановна садилась в автобус.

Загорский, звякнув связкой ключей, открыл дверь в лабораторию и очутился в темной комнате. Нашупав выключатель, несколько раз нажал его, но безрезультатно. Включив небольшой фонарь, пошел в глубь помещения, осторожно ступая, чтобы не задеть посторонних предметов. Свет, исходящий от фонаря, уперся в металлическую дверь, высветив на ней маленькую табличку с надписью «Опасно для жизни».

«Сидел бы сейчас себе спокойно в посольстве. Так нет, надо повстанцам переворот устраивать», – подполковник с опаской посмотрел на табличку.

Как он и предполагал, на железной двери стоял кодовый замок. Достав из кармана аккуратно сложенную бумажку, военный внимательно прочитал набор цифр, в спешке начерканных на ней. Набрав нужную комбинацию, он услышал еле слышный щелчок – проход был свободен. Осторожно надавив рукой на дверь, он вошел. По сравнению с лабораторией эта комнатка была меньших размеров. Наведя луч света на большой холодильник, занимавший почти все пространство комнаты, он сдержанно улыбнулся. Открыв дверцу, подполковник снял с верхней полки небольшой кейс с красным крестом. Раскрыл его, всего мгновение смотрел на небольшой контейнер, а затем поспешил вернуться в зал.

* * *

Актный зал российского посольства не был рассчитан на такое количество людей. Плачущие дети, обессиленные женщины и встревоженные мужчины заполнили его до отказа.

Один из работников посольства раздавал присутствующим минеральную воду – пластиковые упаковки расходились в считанные минуты. В помещении стояла невыносимая духота. Огромный вентилятор, висевший над залом, уже давно не работал.

Допив бутылку минералки, посол облизал потрескавшиеся губы. Почувствовав приятную прохладу, он потянулся за другой, но ящик оказался пуст. Окинув взглядом кабинет, посол поморщился.

– Можно войти? – в дверь заглянула симпатичная секретарша.

– Заходи, Таня. Я как раз хотел попросить тебя принести мне еще одну упаковку воды.

– Виктор Иванович, вся вода уже кончилась. Я отдала последний блок детям. Их в зале больше десятка.

Смирившись с мыслью, что минеральная вода кончилась, посол растянулся в кожаном кресле.

– Как обстановка на улицах?

– Критическая. Но военные обещали, что не пропустят в посольство мятежников. «Ту-154» на аэродроме, но не могут собрать персонал, некому подготовить лайнер к вылету. Идут переговоры о том, чтобы мятежники пропустили заправщик.

– Самое главное – продержаться, – повисла долгая пауза, – я не могу представить себе, скоро ли мы будем в Москве.

– Я вас понимаю, Виктор Иванович, – секретарша улыбнулась. – Можно мне идти? Внизу ждут дети.

– Ну конечно, Танечка, идите.

Постукивая высокими каблучками, секретарша удалилась. Проводив безразличным взглядом ее шикарные ноги, Виктор Иванович задумался. За десять лет службы послом в этой африканской стране ему не доводилось бывать в такой ситуации, которая произошла сегодня. Он просто хотел быстрее вернуться домой.

Тем временем у ограды посольства уже собралась толпа. Снаружи ее еще сдерживали солдаты правительственных войск. На крыльце посольства стояли охранники Михаил и Дмитрий. Камень, брошенный из толпы, упал возле ног одного из них. Михаил угрожающе посмотрел в сторону бросавшего. Чернокожий парень не осмелился повторить бросок. Возле входа в посольство, распределившись по периметру маленького дворика, заняли позиции семеро солдат. Стволы автоматов были направлены на улицу. Оттуда выкрикивали оскорбительные речовки, махали национальными флагами, митингующие сторонники мятежников не давали ни на минуту расслабиться.

– Быстрее бы это кончилась.

– Скоро за нами приедут, – подбодрил Михаил своего друга.

– Быстрее бы.

Толпа увеличивалась, к посольству стягивалось все больше сторонников повстанцев. Некоторые из них были вооружены бутылками с зажигательной смесью.

– Это мне начинает не нравиться, – произнес охранник, крепче сжимая автомат в руках.

– Самое главное не отвечать, делать вид, что мы их не замечаем, – Михаил сам не верил в свои слова, но нельзя было допустить паники. Он прекрасно понимал, что ничего не может сделать против толпы.

Сильный взрыв прогремел в соседнем квартале. Над крышами домов поднялось облако пыли. Митингующие у российского посольства оживились. Охранники приготовились к обороне. Но на их удивление, неуправляемая толпа ринулась к месту взрыва. В одно мгновение улица опустела.

– Слава богу, пронесло.

– Ничего не пронесло. Это мародеры. Скоро они вернутся, надеются пожить и в нашем посольстве.

– Скоро нас отсюда заберут, – из всех охранников Михаил выглядел самым спокойным.

Он был прав. Через пять минут после взрыва послышались отдаленные звуки полицейских сирен. К массивным воротам, отделявшим двор посольства от улицы, подкатил автобус в сопровождении двух военных джипов. Дверцы открылись, из машин вышли военные.

– Где начальник охраны посольства подполковник Загорский? – сразу спросил один из прибывших африканцев.

– Он в эпидемиологическом центре. Я его замещаю, – отозвался Михаил.

– Через десять минут все должны быть в автобусе, мы договорились с повстанцами о пропуске персонала посольства и их семей. Топливозаправщик они пропустят на аэродром. Времени нет. Живее!

Через тридцать минут автобус со всеми пассажирами уже стоял в аэропорту, усиленно охранявшийся национальной армией.

На взлетной полосе, кроме «Ту-154» российских авиакомпаний, других самолетов не было. Со стороны терминала катился большой трап, транспортируемый служебной машиной аэропорта. Из автобуса никого не выпускали, ожидая, пока самолет не будет готов к отправке. Возле лайнера суеилось много народа.

Грузовик с эмблемой Красного Креста на борту медленно приближался к российскому самолету. Из кабины прыгнул подполковник Загорский. Кубинская сигара, крепко зажатая в его зубах, придавала ему облик крутого мафиози из Южной Америки. Он перебросил сигару из одного угла рта в другой. В правой руке подполковника был кейс, пристегнутый наручниками к запястью. Из автобуса навстречу ему вырвалась блондинка. Она умела держать себя даже в такой обстановке. Улыбнулась военному:

– Ты успел? Я должна была сделать это сама.

– Успел, – подполковник прикоснулся пальцами к кейсу, – Лариса, почему ты не оставила для меня записки?

– К черту записки, не было времени. Ты проверял контейнер? – глаза женщины пытливо смотрели на подполковника.

– Конечно, все на месте, при мне.

В это время трап пристыковали к самолету, и пассажиры стали подниматься на борт.

– Я буду ждать тебя в самолете, – сказав это, красавица развернулась и ступила на трап. С тех пор как Лариса покинула Москву, она, казалось, даже помолодела, азартные огоньки горели в ее глазах.

Сжав сильнее ручку кейса, Загорский подошел к топливозаправщику, который остановился в хвосте «Ту-154» и был готов к заправке самолета. Возле него суеились чернокожие в служебной форме аэропорта. Подполковник, наблюдавший за этой картиной, удивлялся – откуда взялись работники аэропорта, так старательно заправлявшие самолет. Ведь весь персонал уже разбежался. Но времени на раздумья не было.

Когда русский подполковник ушел, один из африканцев, взобравшись на цистерну, заглянул в двигатель и что-то быстро сунул в него.

Подполковник был уже в салоне самолета. Среди пассажиров оказались не только работники посольства, но и несколько десятков жителей африканской страны, спасавшихся от гражданской войны.

Из динамиков послышался голос пилота:

– ...просьба пристегнуться...

Раздался рев турбин. «Ту-154» тронулся с места, все затряслось. Самолет выкатился в начало полосы. Он устремился вперед, развивая скорость. Волнение появилось на лицах африканских жителей, некоторые из них впервые оказались на борту авиалайнера. Прижав детей к груди, женщины закрывали глаза и молились.

Самолет оторвался от бетона. Жуткая тряска прекратилась. «Ту-154» набирал высоту. С каждой секундой африканская столица становилась меньше. Здания превращались в спичечные домики. Во всех концах города дымились здания. И только с высоты птичьего полета можно было увидеть реальный ущерб от военных действий, которые кипели в это время внизу. Вскоре белые клубы облаков окутали это страшное зрелище и закрыли обзор пассажирам этого случайного рейса. За иллюминаторами засверкало небо. Набрав высоту, самолет выровнялся.

В салоне самолета стояла приятная прохлада, создаваемая бортовым кондиционером. Легкий ветерок ласкал лица пассажиров. В первом салоне, ближе к кабине пилотов, отгородившись от окружающих небольшой занавеской, заняли свои места подполковник и привлечательная блондинка. Достав коробок спичек, Загорский прикурил погасшую сигару.

– Как ты думаешь, Лариса, мы правильно сделали, не дождавшись согласования с твоим центром? – он вопросительно посмотрел на свою жену.

– Нельзя было оставлять штампы в хранилище. Да и зачем сейчас об этом думать, если они с нами. Давай лучше выпьем, – блондинка взяла бутылку вина, стоявшую на откидном столике, и протянула мужу.

– Может, ты и права, – произнес он, осторожно открывая пробку.

Отстегнув наручники, которые соединяли кейс и его левую руку, подполковник Загорский наполнил пластиковые стаканчики вином. Аккуратно отложив кейс в сторону, он выпил вино и обнял женщину. Алексей и Лариса поцеловались.

В хвосте самолета уже стоял шум. Работники посольства праздновали то, что они находятся в российском самолете и не подвергаются никакой опасности со стороны африканских повстанцев. Пустые бутылки из-под водки и коньяка перекатывались под сиденьями. И лишь посол, отгородившись от своих подчиненных газетой, сидел на одном из последних кресел, попивал прохладную минералку, иногда протирая запотевшую поверхность бутылки. Его клонило в сон от усталости. Сегодняшний день для него выдался напряженным и беспокойным. Ведь если бы что-нибудь случилось с его подчиненными, отвечать пришлось бы ему.

«Слава богу, все позади. Осталось только долететь и сесть», – размышлял про себя посол.

– Виктор Иванович, выпить не хотите? – неожиданно в проходе появился охранник посольства Михаил с початой бутылкой коньяка.

– Нет, спасибо.

– Ну, Виктор Иванович, совсем чуть-чуть.

– Давай полтинник, после него и усну быстрее.

Охранник протянул Плескову пластмассовый стаканчик. Отпив глоток, посол поставил стакан на откидной столик.

– Подлить? – спросил Миша.

– Мне этого до Москвы хватит, – Плесков указал на недопитый стакан. – Иди лучше к своим, они тебя заждались. Смотрите только, не выпейте все запасы спиртного на самолете, – он указал на машущего впереди руками Дмитрия, охранника посольства.

– К нам присоединиться не желаете? Посидим, поболтаем, ведь больше, может, никогда и не увидимся. Все, что нас всех объединяет, останется внизу, под облаками.

– Еще увидимся, не переживай. Когда кончится гражданская война.

После того как Михаил удалился, Виктор Иванович допил свой коньяк и, установив сиденье в полулежачем положении, прилег. Ощувив приятное тепло по всему телу, он закрыл глаза.

В динамиках раздался голос пилота.

– Сейчас наш самолет находится на высоте восьми тысяч метров. Приятного полета.

Пестрая компания работников посольства продолжала веселиться. Уже изрядно приложившийся к бутылке вице-консул распевал народные песни. Возле него, расположившись на четырех сиденьях, играли в карты охранники посольства. На этих ребят алкоголь особо не

действовал, надо было влить в них не меньше литра, тогда, может быть, они бы и повеселели. Их лица оставались непроницаемыми. Взяв еще одну карту, Михаил выругался:

– Перебор!

– Двадцать, – весело отозвался Дмитрий, который по ширине плеч превосходил всех присутствующих.

– Восемнадцать, – с некоторым недовольством на лице произнес Сергей.

– Двадцать одно, – открыв свои карты, выкрикнул четвертый игрок.

Взяв деньги, он аккуратно засунул их в карман камуфляжных штанов, демонстрируя при этом обворожительную улыбку.

– Сыграем еще? – он вопросительно посмотрел на огорченные лица партнеров.

– На этот раз я тебя сделаю, – выпив залпом свою порцию, пообещал Дмитрий.

– Раздавайте и на меня, – махнул рукой Михаил.

– Пойду, в сортир схожу, – подымаясь, сказал Дмитрий.

* * *

Открыв глаза, Загорский осмотрелся. Склонив голову на его правое плечо, спала Лариса. На ее лице отразилась усталость вчерашнего напряженного дня. Нашупав кейс на коленях, подполковник поднял его. Холодный металл наручников вновь соединил его с ношей, которую надо было доставить в Москву. Аккуратно встав, так чтобы не разбудить свою спутницу, он направился к кабине пилотов. Он заметил, что шум, стоявший недавно в хвосте самолета, прекратился.

«Видимо, наконец-то заснули», – подумал Загорский.

Командир корабля, прикрыв ладонью рот, зевнул.

– Может, тебя сменить? – спросил второй пилот.

– Все в порядке, сейчас пройдет.

– Тебя уже давно клонит в сон.

– Сделай лучше еще кофе, – командир не любил, когда кто-то начинал учить его.

– Тебе лучше знать, – отозвался второй пилот, подымаясь из-за штурвала.

Второй пилот вышел из кабины и почти тут же столкнулся с подполковником Загорским.

– У вас зажигалка есть? – пожевывая в зубах кубинскую сигару, спросил Загорский.

– Тут не курят, – неуверенно промямлил пилот.

– В моей газ кончился, – будто не слыша ответа, произнес подполковник.

– В кабине пилотов должны быть спички, – спорить с этим человеком пилоту почему-то не хотелось.

– Ну вот и отлично, мне туда и надо.

Не успел второй пилот опомниться, как подполковник уже шагнул в кабину. Командир корабля дремал. Стряхнув дрему, он уставился на незнакомца. Спросонья он не понимал, что произошло.

– Что вы тут делаете? – он посмотрел на непрошеного гостя.

– Мне сказали, что у вас есть спички.

– Какие спички? – ничего не понимая, пробормотал командир.

– Те, что в спичечном коробке, – недовольно проговорил Загорский, – чтобы прикурить, – он демонстративно оскалил зубы, в которых была сжата кубинская сигара.

Потянувшись к пиджаку, висевшему на спинке кресла, командир извлек коробок спичек и подал подполковнику.

– Можете взять его себе, у меня еще есть.

Именно в этот момент пилот заметил кейс, пристегнутый наручниками к руке военного. Минуту назад он не имел возможности осмотреть незнакомца полностью: мешала высокая спинка кресла. Но лишних вопросов пилот решил не задавать.

Подполковник проницательно всматривался в пилота.

– Я – начальник охраны посольства, и мне нужна связь с Москвой, – в руке подполковника мелькнуло удостоверение.

– Сейчас это невозможно сделать, – ответил командир, – только после посадки в аэропорту.

– Спасибо за спички. Скоро дозаправка?

– Где-то через полчаса. В Эмиратах.

Неожиданно в кабине появилась стюардесса с двумя пластиковыми стаканчиками, из которых исходил приятный аромат кофе.

– Наконец-то, – сказал пилот, протягивая руку, чтобы взять кофе.

– Спасибо. Извините, я забыл сказать, чтобы вы приготовили кофе и для моей жены. Вы не против? – подполковник посмотрел на командира.

Тот отрицательно покачал головой, давая понять, что нет. Спорить ему с незнакомцем в погонах подполковника не хотелось.

– Ну вот и замечательно, – произнес военный, – кофе не даст заснуть. А то разное может случиться.

Подполковник покинул кабину, и, прежде чем командир успел закрыть дверь, в нее потянуло приятным запахом кубинской сигары.

В салоне самолета уже было тихо. Изредка тишину нарушали всхлипывания детей, но заботливые мамы успокаивали их.

В динамиках раздался голос командира:

– Наш самолет совершит посадку в международном аэропорту на территории Эмиратов. Просьба пристегнуться.

Самолет пошел на снижение. На иллюминаторах потихоньку таяли маленькие кусочки льда. Корпус потрескивал. Допив кофе, подполковник обнял жену.

– Эмираты?

– Да, дозаправимся и в Москву, – голос военного звучал уверенно.

Самолет выравнивался перед посадкой на полосу. В иллюминаторах мелькнули строения аэропорта. Салон наполнялся солнечным светом. Яркие лучи резали глаза, охранник Михаил почувствовал головную боль, сказывалась водка.

На соседнем сиденье спал Дмитрий, изредка переворачиваясь с боку на бок.

Не прошло и пяти минут, как «Ту-154» соприкоснулся с землей. Посадка прошла мягко. Пассажиры смотрели в иллюминаторы, ожидая, пока к самолету подъедет топливозаправщик.

Топливозаправщик подкатил к авиалайнеру. Процедура заняла не более десяти минут. Лариса поднялась:

– Ноги размять хочу.

Она вышла в отсек между салонами и достала из сумочки мобильник. Говорила коротко, прикрыв микрофон ладонью.

Пребывание в Эмиратах оказалось совсем кратким, не успели пассажиры даже заскучать, как из динамиков прозвучало сообщение о том, что самолет взлетает. Набрав скорость, авиалайнер оторвался от земли.

Безмятежный полет продолжался. Вот только не нравилось командиру то, что подполковник говорил с Москвой один на один, без свидетелей. И от этого разговора можно было ожидать сюрприза.

– Вас вызывают на связь, – пилот повернулся к командиру экипажа.

Командир надел наушники, в них раздался голос:

– Пункт назначения придется изменить. У вас на борту, возможно, находится больной человек... В целях избежания эпидемии вы должны лететь в Новосибирск, где находится наш лучший эпидемиологический центр. Вам следует выдержать двухдневный карантин. После чего экипаж и пассажиров спецрейсом доставят в Москву. До следующего сеанса связи. Счастливого пути.

– Прекрасно, – вымолвил командир, откладывая наушники.

– Сидят там себе, прикрыв свои задницы, и командуют. Эпидемия. Придумали же... – выругался пилот.

– Если летим в Новосибирск, то где будет следующая дозаправка? – бортмеханик смотрел на командира.

– Еще сообщат, но я думаю, в Таджикистане...

– Ну что там такое? – блондинка вопросительно посмотрела на мужа.

– Осталось дозаправиться в Таджикистане... А потом домой, – он крепко обнял ее.

– Первым делом, когда приедем в Москву, сходим в ресторан. Я так соскучилась по хорошей кухне.

– Мне кажется, что в Москве мы окажемся чуть позже, чем ты думаешь.

* * *

Самолет тряхнуло. На пути авиалайнера попала очередная воздушная яма. Раздался глухой щелчок. Пассажиры ухватились за поручни кресел. Подполковник Загорский, кутивший в хвосте самолета, стал пробираться в салон. С трудом сев на первое попавшееся кресло, он пристегнулся ремнем безопасности. Из соседнего салона, где находились африканские беженцы, раздавались крики.

– А вот это уже херня, – проговорил Михаил, который сидел на противоположном ряду, слева от подполковника.

Его испуганные глаза были направлены на иллюминатор со стороны Алексея Загорского. От крыла за самолетом тянулась струя дыма. «Ту-154» снижался. Сильная тряска не позволяла подняться с места.

«Надо срочно пробраться в кабину пилотов и узнать, в чем дело», – решил подполковник.

Отстегнув ремень безопасности и хватаясь руками за спинки кресел, Загорский осторожно двигался в переднюю часть авиалайнера.

– Вы куда? – раздался голос Дмитрия.

– Узнать, что произошло. Я в кабину пилотов.

– Я с вами, – поднявшись со своего места, Дмитрий последовал за ним.

Отдернув занавеску, они попали в середину самолета – в тамбур между салонами.

– Пошли, нельзя допустить паники, – прошептал подполковник.

Со всех сторон доносились крики женщин и детей. Пассажиры с надеждой смотрели на двух мужчин, продвигавшихся по проходу. В экстремальных ситуациях всегда хочется верить, что кто-то другой возьмет на себя груз ответственности.

– Успокаивай пассажиров, – нагнувшись к самому уху Дмитрия, проговорил подполковник, – а я дальше...

Загорскому мешал идти кейс, пристегнутый наручниками к правой руке. Из первого салона крыло просматривалось плохо, но и тут уже заметили, что с двигателем не все в порядке. Лариса испуганно смотрела на пробиравшегося к носу самолета Алексея.

– Оставайся на месте и пристегнись, – сказал ей муж.

– Что произошло?

– Пока еще не знаю. Но, кажется, отказал один из двигателей. Я узнаю у пилотов. Не вставай с места, – перекрывая гул турбин, сообщил он.

Подполковник сжал руку жены, поцеловал ее в щеку. Подоспел Дмитрий.

– Все в порядке, не вставайте, – налево и направо бросал охранник посольства и поглядывал на своего начальника.

Загорский обернулся:

– Побудь с Ларисой, я и сам справлюсь.

– Может... – хотел было возразить Дмитрий, но его прервал подполковник:

– Выполняй приказ!

Молча кивнув, Дмитрий присел рядом с блондинкой. Паника так и не началась, хотя самолет трясло заметно сильнее. Стюардесса преградила подполковнику путь к кабине.

– Сообщите командиру, что я хочу с ним переговорить.

– Не думаю...

– Это важно, я только что говорил с Москвой.

Стюардесса почувствовала в мужчине, стоявшем перед ней, человека сильной воли, к тому же она видела, как тот заходил к пилотам.

– Хорошо, отойдите в сторону.

Уже через несколько секунд она появилась вновь:

– Заходите.

Лица командира и пилота были сосредоточены. Пилот буквально сросся со штурвалом.

– Что произошло? – военный держался за спинку сиденья.

– Пришлось отключить правый двигатель, но горение продолжается, дымит, – незамедлительно ответил командир, – но это только для вас, для других – случилась временная техническая неисправность, которую можно устранить в полете.

– Мы падаем?

– Если не приземлиться через двадцать минут, то я не могу гарантировать, что наш самолет не упадет на скалы.

– Где мы сейчас находимся?

– Над Афганистаном. Ближайший действующий аэродром – это международный аэропорт в Таджикистане, но до него лететь сорок минут. Если двигатель загорится... Мы сделали запрос, для нас подыскивают приемлемый вариант, – без особого энтузиазма сообщил командир. – В Новосибирск нас развернули из-за вашего чемоданчика?

Подполковник пропустил вопрос мимо ушей.

Штурман с напряженным лицом внезапно просветлел и, сбросив громоздкие наушники, закричал:

– Только что сообщили координаты заброшенного аэродрома в Северном Афганистане... До него пятнадцать минут лету. Взлетная полоса в относительном порядке.

– Ну что ж, продолжаем снижаться. Координаты, курс... – в глазах командира появилась надежда на спасение.

– Москва обещает помощь, – добавил штурман и протянул небольшой листик с цифрами.

«Ту-154» продолжал снижение. Подполковник вздохнул и сжал покрепче мокрую от пота ручку кейса.

Глава 6

Крупные хлопья снега опускались на землю. Под Астраханью такого раннего снега уже давно не было. Неподалеку от казармы мокрый сугроб разгребали солдаты. Снег валил уже второй день подряд. А прогноз на ближайшие дни не обещал никаких перемен. Лопаты вре-зались в мокрую слипшуюся массу, скребли по асфальту, издавая противный звук. Отставив лопату в сторону и достав из кармана пачку сигарет, один из солдат закурил. Облокотившись на рукоятку, он наблюдал, как работают его товарищи.

- Хватит отдыхать, – недовольно бросил ефрейтор.
- Что, уже и покурить нельзя? Сколько снег ни разгребай, а он валит и валит.
- Снег валит, а служба идет.

Жадно затянувшись, рядовой отбросил бычок в сугроб и вновь взялся за работу. На дороге к аэродрому показался «УАЗ» и крытый брезентом «Урал».

- Едут, – с уважением произнес ефрейтор, – «УАЗ» майора Лаврова.
- Учения? – рядовой продолжал работать лопатой, но не отрывал взгляда от машин.
- Кто ж его знает. Подняли по тревоге, – отозвался ефрейтор.
- Если не учения, то что?

– Спецназ. Всякое может быть. Майор Лавров добровольцев-контрактников отбирал. Тридцать человек. И старлей Барханов с ним. Боеприпасы – боевые, – ефрейтор был чуть более осведомлен, но и ему не было известно, куда направляется спецназ.

- Ребята говорят, что спецрейсом из Москвы какой-то капитан прилетел.
- Говорят... а ты повторяешь, – огрызнулся ефрейтор.

В «УАЗе» и впрямь ехал командир батальона спецназа ВДВ майор Лавров. И самое странное, что он знал немногим больше ефрейтора. Единственное, что ему было известно доподлинно, так это то, что придется десантироваться на территорию Северного Афганистана и что его подразделение поступает в оперативное подчинение капитану ФСБ Вежновецу, которого он еще и в глаза не видел. Все происходило в спешке.

Машины выехали на летное поле. Огромный «Ил-76» уже был готов к взлету.

– А вот и фээсбист, – пробормотал майор Лавров, вглядываясь в молодого капитана, тот стоял, прикрыв щеку от мокрого снега ладонью, – к нему подъездь, – бросил он шоферу.

Фээсбэшник нырнул в «УАЗ» и тут же протянул руку Лаврову:

– Капитан Вежновец. Вас ознакомили с приказом?

Лавров не очень охотно пожал руку. То, что ему придется находиться в оперативном подчинении у чекиста, не предвещало ничего хорошего.

- Майор Лавров, – представился он, – естественно, ознакомлен. Вы в курсе обстановки?
- Вы следите за теленовостями? Про эвакуацию нашего посольства из Африки слышали?
- Только то, что прозвучало в телевизоре.

– На нас возложена миссия государственной важности. Мы десантируемся в Северном Афганистане. Неподалеку от места высадки находится заброшенный аэродром. Всего пару часов назад туда приземлился гражданский «Ту-154» с пассажирами на борту: сотрудники посольства и эпидемиологического центра. Наше руководство беспокоится за жизнь людей, это район с традиционно нестабильным режимом. Он не контролируется официальным Кабулом. Командование остается за вами. Я буду координировать действия десантников и поддерживать связь с Москвой, – Вежновец демонстративно выставил перед собой небольшой кейс – ноутбук с системой космической связи.

Он передал Лаврову несколько снимков.

- Изображения со спутника?
- Именно. Они сделаны час назад, – Вежновец улыбнулся.

– Ваши ребята без дела не сидят, – бесстрастно проговорил Лавров, чекист ему не нравился все больше и больше. Слишком уж острый и злой был у него взгляд.

– На снимках виден силуэт «Ту-154», он приземлился, вроде удачно, – капитан указал пальцем на вытянутый, чуть размытый крестик, – но нас тревожит другое. Посмотрите сюда. Здесь, согласно нашим разведанным, подтвержденным американцами, находится база полевого командира Омара. Обратите внимание на прямоугольники, предположительно это «Уралы» и, возможно, бронетехника. Вы должны обеспечить охрану самолета и пассажиров. Есть два варианта эвакуации. Первый – если удастся исправить поломку «Ту-154» на земле, и второй – самолет остается в Афганистане, пассажиров заберут вертолетами. С американцами договорено, сами они в этот район соваться опасаются, но закроют глаза на высадку российского десанта.

– Дело серьезное, – Лавров вглядывался в снимок.

– Омар – полновластный хозяин в тех краях. Он сам объявил себя бригадным генералом. Собрал вокруг себя недобитых талибов. За ним охотятся афганское правительство и американцы. Ну, а у нас к нему особая любовь. Он занимается транзитом героина через Среднюю Азию в Россию.

– Задача максимум – защитить пассажиров и расправиться с Омаром? – перебил фээсбэшника Андрей.

– Пока – защитить пассажиров. Надеюсь, Омар не среагирует так быстро. Хотя ему может прийти в голову и захватить самолет. Он не должен успеть.

Лавров насторожился:

– Этот снимок сделан два часа назад. На нем техника – в лагере боевиков. Когда будет более свежая информация?

– Как только, так сразу, – улыбнулся капитан Вежновец, – в таких делах главное – быстрое реагирование и внезапность. Через два часа наш спутник-шпион выходит из зоны Афганистана. Если повезет, получим новые снимки, нет – до завтрашнего дня у нас не будет иного источника информации.

– Плохо, капитан.

– Не то слово, майор.

– Вы раньше прыгали с парашютом?

– А вы как думаете?

– Кажется, что нет.

– Все когда-нибудь приходится делать впервые. Я заметил, что вы, товарищ майор, не очень рады нашему сотрудничеству. Меня предупредили, вы прекрасный профессионал, но очень своенравны.

– Ни у меня, ни у вас нет выбора.

Вежновец выглянул в окно, в метели показалась «Волга».

– Ваше командование вместе с моим руководством пожаловали дать последние напутствия перед взлетом.

* * *

Пейзажи Северного Афганистана не для слабонервных – унылая однообразная картина. И только человек, родившийся здесь, может спокойно и даже иногда с умилением смотреть на безжизненные горы, чередующиеся с пустынными равнинами. На одной из таких равнин и располагался окруженный невысокими скалами заброшенный аэродром. Построенный советскими специалистами в начале восьмидесятых годов, он прослужил по назначению лишь пару лет. Последний самолет поднялся с него чуть меньше двадцати лет назад, унося на родину советских военных диспетчеров и технический персонал, передавший некогда важный воен-

ный объект недоученным афганским военным режима Наджибулы. Через полгода аэродром был переведен в разряд «запасных», а с приходом к власти талибов о нем в Кабуле и вовсе забыли. Все, что можно было унести, растащили местные жители.

Огромные восьмиугольные железобетонные плиты летного поля местами покрылись трещинами, через которые пробивалась чахлая растительность. Кирпичная трехэтажная коробка здания аэропорта зияла пустыми оконными провалами. У диспетчерской башни высились груды мусора и ржавого металла, блестело битое стекло, громоздились обломки строительных конструкций. Ближе к скалам расположился ряд высоких ангаров, покрытых облезлой, местами отвалившейся голубой краской. Впрочем, взлетно-посадочная полоса все еще имела приличный вид и могла принять современный авиалайнер. Тишину нарушал лишь ветер, гудевший в скалах, да шелестел под его порывами серый песок.

На расстоянии около полутора километров от полосы, на вершине одной из многочисленных скал затаились два человека. Темные от въевшегося многолетнего загара обветренные лица. За спинами – автоматы «АК-47» старого советского образца, обязательные для каждого настоящего мужчины в этой вселенской глуши. Заношенные до дыр, густо покрытые пылью халаты позволяли им раствориться среди камней. Один из афганцев, прильнув к окулярам бинокля, неотрывно следил за гребнем недалеких гор. Другой – полый халата старательно протирал ствол выдавшего виды автомата. Находились они здесь довольно долго и охотно бы сменили позицию, но оба они были людьми подневольными: что сказал командир, то и следует делать, пока не получишь новый приказ. Моложавого нетерпеливого боевика уже стало раздражать бесстрастное молчание старшего товарища, он смахнул пыль с полы халата, отложил автомат на камни.

– Ну что? – спросил он, чтобы хоть что-то сказать.

– Ничего! – такой же дежурной репликой агрессивно ответил первый, но все же добавил, уже смягчив тон, – не видно еще его. Четыре часа уже ждем.

– Может, он и не прилетит вообще. Сколько нам еще сидеть здесь?

– Сколько надо, столько и будем. Должен прилететь.

– Точно?

– Омар так сказал. Не понимаю только, зачем он ему? – боевик недоуменно покрутил головой.

– Может, оружие?

– Самолет пассажирский. Наверное, вещи Омару нужны.

– Заложники, – подхватил молодой, – у родственников выкуп можно потребовать.

Не привыкшие долго рассуждать над приказами командира, боевики замолчали, замерли без движения. Через четверть часа афганец с биноклем встрепенулся. Толкнув в бок товарища, он указал ему на зубчатую линию гор. Тот прищурился и радостно усмехнулся:

– Кажется, есть!

– Подай рацию.

Подняв и закрепив антенну старой громоздкой рации, боевик прокричал в микрофон:

– Они показались, снижаются... нет, еще не приземлились. Что нам делать?.. Ясно!

Вскочив на ноги, боевик в годах подхватил автомат.

– Уходим. Быстро.

– Слава Аллаху. Мы куда? На аэродром, на поле?

– На базу.

Сноровисто прыгая с камня на камень, афганцы в пыльных халатах скрылись в зарослях кустарника.

На горизонте, прямо над горной грядой, росла черная точка, набухла, приближаясь. К привычным звукам безлюдного пространства добавился новый, успевший позабыться в этой местности со дня прекращения эксплуатации аэродрома. Гудение реактивных двигате-

лей нарастало, и в выпетшем небе уже прорисовался силуэт пассажирского лайнера. Он шел низко, явно намереваясь зайти на полосу.

Чуть различимый с земли шлейф дыма тянулся за самолетом. Лайнер выровнялся над полосой, выпустил шасси. Колеса коснулись бетона, он подпрыгнул, тут же взревели двигатели, гася скорость, густая пыль понеслась из-под шасси над посадочной полосой, и гражданский лайнер с российским триколором на хвосте покатился, вздрагивая, пригибая воздушным потоком пробившиеся сквозь трещины пучки полыни и саксаула. Не доезжая до конца полосы, «Ту-154» свернул на рулежку и остановился.

Двигатели замерли. Но к выходу никто из пассажиров не спешил. Не спешили и развернуть аварийный надувной трап. Никто не проявил сильного желания ступить на незнакомую, чужую землю. Люди, недавно вырвавшиеся из охваченного мятежом города, чувствовали себя увереннее, когда от внешнего мира их отделял тонкий борт самолета. Хотя эта защита и была на самом деле иллюзорной. В лучшем случае она могла защитить от ветра.

По истечении десяти минут после приземления первые эмоции прошли, и народ, уже немного освоившись, настроился на ожидание обещанной помощи из российской столицы. Правда, на лицах некоторых из пассажиров читалась озабоченность создавшейся ситуацией. Это были те немногие, кто реально оценивал обстановку, понимал, что все не так просто. Пресловутой помощи скоро ожидать не приходилось: пока известие об аварии дойдет до соответствующих чинов, пока будет принято окончательное решение... пройдет немало времени, а учитывая формировавшуюся и успешно развивавшуюся семьдесят лет бюрократическую систему и нежелание кабинетных начальников всевозможных рангов брать на себя ответственность, о скором спасении можно было вообще забыть.

Люди осведомленные учитывали сложность создавшейся ситуации – для эвакуации людей требовался второй самолет. А починить «Ту-154» в полевых условиях практически невозможно, да и бросать пассажирский авиалайнер в дикой стране в высшей степени неразумно.

Оставалось надеяться, что к делу подключатся военные или российские спецслужбы, которые все задачи решают не в пример оперативнее штатских господ из МИДа. Для этого существовали свои резоны – наличие среди пассажиров сотрудников посольства, да и самолет оказался в стране, которая хотя и не вся, но большей частью находилась на военном положении. Малейшее промедление угрожало безопасности людей.

Подполковник Загорский – начальник охраны посольства – то и дело поглядывал в иллюминатор, в его взгляде сквозила озабоченность. Его спутница нервничала, недовольно теребила ручку кресла:

– Как ты думаешь, надолго мы здесь застряли? – спросила с капризным оттенком в голосе женщина.

– Нет, скоро мы покинем это гиблое место. Не волнуйся, о нас не забыли... – не поворачивая головы в ее сторону, бросил подполковник Загорский и тут же осекся. – Я сейчас, – он торопливо поднялся.

Насторожилась и Лариса. Посторонние звуки нарушили однообразный свист ветра. Люди льнули к иллюминаторам, пытаясь рассмотреть, что же происходит там, снаружи.

На рулежку, гремя гусеницами, заезжал старый советский танк «Т-64» грязно-зеленого цвета. На башне, сквозь покрывавшую танк серую пыль, еле читался бортовой номер. Следом за ним показались «Урал» и четыре джипа с бородачами в камуфляже. Колонну замыкала БМП.

Из остановившегося грузовика на бетон высыпало полтора десятка вооруженных афганцев в пыльных халатах, головы большинства из них покрывали бесформенные шапки из тонкого войлока. Держа на изготовку автоматы Калашникова, боевики молча, словно по заранее составленному расписанию, рассредоточились, окружив самолет.

Из головного джипа грузно вылез Омар, и тут же его взяли в кольцо боевики в камуфляже – личная охрана полевого командира. Омар немного постоял, скользнул взглядом по иллюминаторам и, убедившись, что его появление навело ужас на пассажиров, вальяжно двинулся к самолету. В круг охраны вбежал и зашагал рядом с Омаром одноглазый, устрашающего вида боевик. Стараясь идти в ногу с командиром, Мустафа заглядывал в лицо своему хозяину и нетерпеливо спрашивал:

– Что дальше?

Резко остановившись, Омар произнес нарочито по-русски, слова давались с трудом, все-таки много лет прошло с тех пор, как он во времена правления Наджибулы обучался военному делу в СССР:

– Сначала надо, чтоб какая-нибудь собака вышла. – И, хищно щерясь, добавил: – Будем переговоры вести, – и, добавил: – Мегафон.

Мустафа повернулся и махнул кому-то рукой. Тут же подбежал боевик, услужливо подал мегафон. В свою очередь одноглазый передал его Омару. Командир, брезгливо кривя губы, поднес ко рту переговорное устройство.

– Внимание! Слушайте все, кто находится на борту. Ваш самолет, нарушив границы, приземлился на территории нашего государства, и этим вы нагло нарушили наш суверенитет и наши законы. Поэтому с данного момента все, кто в самолете, считаются арестованными и обязаны подчиняться моим приказам.

Хриплое карканье главаря недобитых талибов разносилось над заброшенным аэродромом и далеким эхом возвращалось с гор.

– Сейчас ко мне должен выйти человек, с которым я, как с вашим представителем, смогу вести переговоры. Я жду, – Омар опустил мегафон.

Глава 7

Пока полевой командир говорил, в самолете царила тишина, все боялись пропустить и слово, но стоило ему замолчать, поднялось что-то невообразимое.

Казалось бы, недавно ничего нельзя было хуже себе представить, как еще на час задержаться в проклятой Африке. Только-только все вздохнули с облегчением, покинув жаркий во всех отношениях материк, мчались по воздуху на родину, и вот тебе сюрприз. В отличие от Африки, в которой ситуация, несмотря на всю ее нестабильность и опасность, все-таки хоть как-то контролировалась политиками, здесь, в дикой, безжалостной горной пустыне, даже дипломаты отчетливо почувствовали свою беспомощность. Ладно бы залететь еще просто куда-то, но после ужасов, совершенных советскими войсками в Афганистане в последние годы существования советской власти, рассчитывать на радушный прием местных не приходилось. Просто европеец для талибов уже был потенциальной мишенью, а если европеец вдобавок русский...

Сотрудники посольства пытались успокоить женщин, бросая стандартные, лишённые реального смысла реплики:

– Все будет хорошо... о нас помнят на родине... они не посмеют... – но их собственные бледные, напуганные до смерти физиономии сводили результат на нет.

Во всей этой суматохе полное спокойствие сохранял, а может, просто умело скрывал собственные чувства лишь один человек. Как только снаружи донесся хриплый рев мегафона, все в салоне моментально приутихло. Особо любопытные приникли к иллюминаторам, наблюдая за кучкой боевиков, в окружении которых стоял крепкого телосложения мужчина с наглым выражением лица, он и держал мегафон в руках. На вполне приличном русском, но с характерным восточным акцентом Омар сообщил про задержание самолета и пассажиров. Никто полностью не разобрал сказанного, поняли лишь суть – требуют, чтобы кто-то вышел на переговоры. Все невольно переглянулись, и внутри на минуту воцарилась тишина. После недолгой паузы требование снаружи повторилось. Кто-то, не выдержав напряжения, нервно взвизгнул:

– Здесь есть кто-нибудь главный, в конце концов, или подождем, когда они в нас из танка пальнут?

Основная масса пассажиров тут же поддерживающе и возмущенно загудела:

– Привезли черт знает куда, а теперь все отмалчиваются!

На борту находилось немало служащих посольства, участников дипломатических миссий, однако бодро сделать шаг вперед, стать мужественным добровольцем никто не спешил. Еще бы! Одно дело улыбаясь пожимать руки другим дипломатам, подписывать бумаги и обмениваться авторучками. А здесь такое...

Из внутренних динамиков послышался взволнованный голос командира корабля, о существовании которого в салоне уже успели подзабыть:

– ...прошу спокойствия. В сложившейся ситуации мы не вправе действовать самостоятельно. Необходимо дождаться приказа от руководства. Как раз сейчас мы налаживаем связь с центром. Скоро поступит распоряжение, все выяснится, и мы вас обязательно проинформируем.

Грузный, красномордый водитель посольства, сидевший в самом конце салона, зычно пробасил:

– Он что, придурок? Если начнут стрелять, то через пять минут уже некого будет информировать.

Подполковник Загорский, до этого не покидавший кресла и без особых эмоций наблюдавший за происходящим, резко поднялся и быстрым шагом двинулся к кабине пилотов.

– Где командир экипажа? – военный столкнулся в тамбуре на самом подходе к кабине с пилотом.

Официальный тон и холодный взгляд, видимо, подействовали на пилота, потому как он, переведя дух, ответил:

– Командир за штурвалом.

Подполковник, несильно взяв его за локоть, наклонился и что-то зашептал на ухо. Пилот согласно кивнул и распахнул дверь кабины.

Разговор подполковника с командиром корабля длился несколько минут. В это время пассажиры вполголоса обсуждали свое положение, то с нетерпением поглядывали в направлении кабины, то со страхом в иллюминаторы. Наконец в дверном проеме появился плотного телосложения мужчина в летной форме, а за ним вышел и подполковник, вдвоем они пробирались по узкому проходу между кресел к середине фюзеляжа, где находился основной люк. Неуклюже продвигаясь вперед и успокаивая присутствующих, командир приподнимал руки и монотонно гудел сквозь густые усы:

– Прошу вас, сохраняйте спокойствие и оставайтесь на своих местах! Мы делаем все, что от нас зависит. Сейчас этот... товарищ, – он указал толстой рукой с растопыренными пальцами на подполковника, – выйдет наружу и попытается выяснить, что им надо.

«Ага, так прямо все и выясню, – со злостью подумал про себя Загорский. – Хорошо, если просто еще раз услышу чушь про нарушение законов, суверенитета и воздушного пространства и остальные «непростительные» деяния. А ведь могут без лишних слов попытаться вломиться в открытый люк».

Проходя мимо своей жены, подполковник остановился и, взяв ее за руку, произнес:

– Не волнуйся, Лариса, все будет хорошо.

– Надеюсь. Береги себя. А где твой кейс? – ее глаза округлились от удивления.

– Я его спрятал, – шепнул подполковник.

Подойдя к уже ожидавшему возле открытого проема командиру экипажа, военный слегка нагнулся, выглянул наружу.

– Вы уж там... поосторожнее, – напутствовал командир, разворачивая аварийный надувной трап, – мало ли, что у них там на уме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.